

**МИРОВОЙ
СТАЛИНИЗМ**

КЛАУС ХЕССЕ

**СТАЛИНСКИЙ
СОЦИАЛИЗМ**

**ПРАКТИЧЕСКОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ**

Клаус Хессе
Сталинский социализм.
Практическое исследование
Серия «Мировой сталинизм»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9356512

*Клаус Хессе. Сталинский социализм. Практическое исследование:
Алгоритм; Москва; 2015
ISBN 978-5-4438-0984-7*

Аннотация

Большинство западных авторов пишут о Сталине как о чудовище, диктаторе хуже Гитлера, построившем свое государство на трупах сограждан. Однако не все так однозначно. Многие современники Сталина – писатели и деятели науки – восхищались сталинским социализмом, сильным советским государством, единственным, которое оказалось способно противостоять нацистской угрозе.

Клаус Хессе – профессор Берлинского Свободного университета и сотрудник музея «Топография террора». Он много лет изучал нацистскую и сталинскую государственные системы. Серьезный анализ российских источников позволил автору доказать неоднозначность оценки сталинского социализма. Клаус Хессе убежден, что все книги о массовых

репрессиях – это преднамеренная фальсификация истории социализма.

В результате книгу Хессе в Германии запретили.

Содержание

Предисловие от редактора	6
Предисловие	12
Часть первая. Первые годы Советской России – от новой экономической политики к коллективизации и социалистической индустриализации	60
Глава 1. В борьбе против отсталости: проблемы, программы и возможности	60
Глава 2. Образование Союза Советских Социалистических Республик	66
Глава 3. Внутрипартийные разногласия, классовая борьба и борьба за власть	75
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Кlaus Хессе
Сталинский социализм.
Практическое
исследование

© Клаус Хессе, 2015

© Асель Ли, перевод с немецкого, 2015

© ООО «ТД Алгоритм», 2015

Предисловие от редактора

В знаменательный для России год празднования семидесятилетия Победы в Великой Отечественной войне представляется отнюдь не лишним не только воздать должное героизму и стойкости советского народа, славе русского оружия, но и задаться вопросами: когда и как ковалось это оружие победителей во Второй мировой войне, чем был подготовлен и обеспечен успех Красной армии в разгроме вермахта, истреблении нацизма в Европе?

«О том, что успехи индустриализации Советского Союза значительно повлияли на ход Второй мировой войны и способствовали разгрому сильнейшей на тот момент армии в мире, сегодня вспоминать как-то не принято, – пишет автор книги, профессор Свободного Берлинского университета Клаус Хессе. – Однако именно благодаря индустриализации казавшееся неудержимым победное шествие вермахта было остановлено в тяжелых и кровопролитных боях вооруженными силами Красной армии. Сумасшедшие планы похода через Персию на Индию потерпели крах под Сталинградом. Советские вооруженные силы смогли перехватить стратегическую инициативу, и угрозе захвата мира фашистами настал конец...».

Взятый в конце 1920-х гг. курс на преодоление отсталости экономики СССР по сравнению с развитыми страна-

ми за относительно короткий временной период потребовал крайнего напряжения материальных и людских ресурсов, а также милитаризации промышленности. В своем выступлении на Первой Всесоюзной конференции рабочих социалистической промышленности, состоявшейся в феврале 1931 года, Сталин заявил: «Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут».

Как иронично замечает немецкий ученый, «часы мировой истории не успевают идти за теоретическими предписаниями». Однако в двадцатых-тридцатых годах в СССР, действительно, был осуществлен грандиозный проект по переходу от аграрной страны, экономика которой была практически разрушена мировой и гражданской войнами, революционными потрясениями, интервенцией, к стране индустриальной. Она была готова, если понадобится, с оружием в руках защищать свои социалистические идеалы и территориальные интересы. Скрупулезно сопоставляя статистические данные, приводя убедительные доводы из различных архивных источников и документов той эпохи, немецкий историк Клаус Хессе подтверждает это.

Уделяя особое внимание освещению внутривнутриполитической борьбы и теме авторитаризма Сталина (главы: «*Внутрипартийные разногласия, классовая борьба и борьба за власть*», «*Троцкий, Бухарин, Зиновьев, Каменев, Сталин — друг против друга*», «*Неудавшийся переворот Троцкого*» и

др.), Хессе настаивает: «На повестке дня стояло не только сокращение быстро увеличивающегося отставания. Речь шла также об эффективности зарождающейся советской промышленности, способности производить собственное вооружение и противостоять потенциальным противникам. Лишь в этом напряженном контексте становится понятным спор между «левыми» и «правыми» в конце 1920-х. То, что сегодня недопустимым образом рассматривают как простое и своенравное противостояние одновременно амбициозных и некомпетентных политиков, в котором в конечном счете взял верх жесткий произвол бюрократического сталинского аппарата, было в первую очередь поиском путей решения. Тот факт, что каждая из сторон была убеждена в правильности собственной позиции, то, что эти моменты тщеславия и высокомерия играли не последнюю роль, так же верно, как и то обстоятельство, что возобладала концепция, в меньшей степени продиктованная тщеславием своих представителей и именно поэтому нашедшая в партии самую большую поддержку».

Немецкий исследователь касается и тем раскулачивания, борьбы с вредителями, «чисток», «ежовщины», реорганизации Красной армии накануне Второй мировой войны. При этом он избегает выражений типа «массовые репрессии», считая подобную трактовку преднамеренной фальсификацией истории социализма. «...Оценка и анализ большого количества документов не подтверждают того факта, который

является уже аксиомой в истории, что репрессии могли оказать большое влияние на состояние подготовки, оснащение, военные способности и руководство воинскими частями. К началу войны офицерский состав высоких рангов имел достаточный уровень образования», – утверждает историк после серьезного изучения российских источников.

В июле 2009 года, как известно, Парламентская ассамблея ОБСЕ приняла резолюцию, в которой приравнивала преступления в СССР к преступлениям нацистского режима в Германии. В резолюции, названной «Воссоединение разделенной Европы», подчеркивается, что оба тоталитарных режима нанесли серьезный ущерб Европе и что в обоих режимах наблюдались проявления геноцида и преступлений против человечества. В ответ Россия выступила с резким осуждением, заявив, что данная резолюция, фактически уравнивающая сталинский режим и нацизм, искажает историю в политических целях. Думается, под этим заявлением мог бы подписаться и Клаус Хессе, считающий, что «с момента своего прихода к власти в 1933 году Гитлер начал подготовку к войне» и что «все его действия были направлены на пересмотр Версальского мирного договора, возобновление гегемонии «Великой Германии» в Европе, создание промышленного потенциала, который позволил бы стране вести продолжительную войну».

«Мюнхенское соглашение», подписанное 30 сентября 1938 года премьер-министром Великобритании Чемберле-

ном, премьер-министром Франции Даладье, премьер-министром Италии Муссолини и рейхсканцлером Германии Гитлером и закреплявшее присоединение Судетской области к Германии, автор называет «свидетельством беспомощности западных «демократий» и заявляет: «Уже тогда можно было понять, что конечная цель всех усилий как со стороны немецких монополистов, так и со стороны политических представителей французских и британских монополистов, состояла в военном разрушении Советского Союза. Достижению этой цели помешал конфликт интересов конкурирующих империалистических монополий. Жалкое поражение французских и британских войск во «Французской кампании», колебания западных держав при открытии второго фронта, секретные переговоры США с генералом СС Вольфом, складирование оружия и формирование частей из военнопленных вермахта для новой войны против Советского Союза, а также связанная с первым использованием ядерного оружия угроза в отношении СССР... давали понять, насколько значительными на самом деле являлись классовые разногласия между союзниками антигитлеровской коалиции». Поистине несвойственная западному человеку точка зрения на события тех лет!

«Рассуждая сегодня, после Второй мировой войны, холодной войны и распада социалистического содружества о 1930-х годах в СССР, трудно даже приблизительно представить обстоятельства тех лет, — замечает западный исследо-

ватель. — Если до, во время и после окончания Второй мировой войны их оценка была в целом позитивной, то после XX съезда с его лозунгами борьбы против культа личности и сталинизма она превратилась в свою полную противоположность». Как бы то ни было, считает историк, именно СССР не только принял на себя основной удар гитлеровской агрессии, но и по-настоящему смог противостоять вермахту и разгромить нацизм в Европе. Здесь уместно вспомнить слова Хэлла, госсекретаря правительства Рузвельта: «Мы всегда должны помнить, что своей героической борьбой против Германии русские, очевидно, спасли союзников от сепаратного мира. Такой мир унизил бы союзников и открыл бы двери для следующей тридцатилетней войны». «Всегда должны помнить...»

Статья Л.К. Гурджиева, предвещающая книгу Клауса Хессе, содержит аналитический обзор не только исследования немецкого ученого, но и истории мирового сталинизма и во многом дополняет этот комплекс знаний. Статья публикуется в авторской редакции.

Предисловие

Клаус Хессе написал и издал в ФРГ монументальный труд «История СССР и КПСС». С обширным подзаголовком: «О первом практическом опыте социализма. К вопросам исторической правды, источников побед, причин неудач и поражений»¹. С любезного разрешения автора на русский язык переведены и изданы те главы, которые вызовут у нашего читателя несомненный и наибольший интерес. Ведь они посвящены острым вопросам сталинского периода отечественной истории и знакомят со взглядом на них «с той стороны».

Интерес вызывается также тем, что книгу К.Хессе не найти в продаже на территории Германии. Свободное, суверенное, демократическое, толерантное, плюралистическое, бесцензурное общество (все определения можно смело брать в кавычки) испугалось неординарного, а главное – несовпадающего с официальным, мнения своего гражданина. Между прочим, гражданина не с улицы, а весьма образованного и титулованного – профессора Свободного Берлинского университета, научного сотрудника музея «Топография террора»².

¹ Klaus Hesse, «Zur Geschichte der UdSSR und der KPdSU». Leipzig, 2012. (На русском языке публикуется впервые. Здесь и в др. сносках – примечания мои. – Л.Г.)

² Музей с необычным названием «Топография террора» («Toro-graphie des

Главы, взятые из его произведения, объединены в книгу, которую вы сейчас держите в руках: «Сталинский социализм. Практическое исследование». Изданий такого рода в мире немного, несмотря на то, что внимание к Сталину и сталинскому Советскому Союзу не ослабевало все годы после смерти вождя и даже после смерти СССР. В свете «борьбы с культом личности», начатой на XX съезде КПСС, это внимание сплошь и рядом выливалось в тотальную критику и поношение, как вождя, так и страны. Последнее, правда, не относилось к советским публикациям. Но буржуазная и коммунистическая пропаганда были удивительно единодушны в поношении именно вождя. Конечно, имелись исключения.

Если говорить о коммунистах, то Хрущева с его десталинизацией не поддерживали лидеры Китая и Албании Мао Цзедун и Энвер Ходжа, ряд руководителей компартий капиталистических стран. Даже легендарный Эрнесто Че Гевара был против огульного очернения имени Сталина.

Если говорить о некоторых буржуазных деятелях, то достаточно сослаться на высказывание Черчилля по сему поводу уже после XX съезда – емкое, истинное, красивое. Приводить его слова не буду, потому что они многократно воспроизводились в печати и хорошо известны. Замечу только, что удивляться этому не стоит. Язвительный и острый на язык,

Terrors») возник в Берлине в 1987 г. Является информационно-выставочным центром, осуществляющим деятельность антинацистской направленности. Когда-то размещался лишь под открытым небом, но с 2010 года располагает и отдельным зданием. Ежегодно принимает сотни тысяч посетителей.

бывший английский премьер не мог отказать себе в удовольствии наступить на больной мозоль пигмея-Хрущева, который на фоне титана-Сталина представлял собой прекрасную мишень для политической сатиры. Черчилль унизил Хрущева, даже не произнеся его имени, одним возданием должного Сталину. Причем сделал это в блестящей манере, свойственной лауреату Нобелевской премии по литературе (которую Черчилль получил еще в 1953 году).

Наиболее примечательный поступок совершил президент Франции Шарль де Голль, тоже высоко оценивавший Сталина. В 1966 году он «прищемил» антисталинистов посильнее. Во время официального визита в Советский Союз де Голль вопреки согласованному заранее протоколу добился разрешения возложить цветы на могилу И.В.Сталина у кремлевской стены. Такого вызывающего с антисталинской точки зрения поведения не могли себе позволить главы даже социалистических стран.

Клаус Хессе и его книга – не одинокий островок правды в безбрежном море западной антисталинской клеветы. Тривиальное сравнение с лучами света невольно напрашивается, когда знакомишься с выступлениями североамериканских, английских, бельгийских, греческих, индийских, пакистанских, эквадорских и других авторов, честно (пусть и не всегда безошибочно) пытающихся исследовать тему сталинизма.

Болото буржуазного обмана в этом деле разворошили про-

изведения «Хрущев лгал» Гровера Ферра, «Жизнь Сталина» Яна Грея, «Реставрация капитализма в СССР» Билла Бланда, «Перестройка – полный крах ревизионизма» Харпала Брара, «Другой взгляд на Сталина» Людо Мартенса... Сталинские идеи отстаивали в своих выступлениях профессор индийского университета и новозеландский рабочий, лидер греческих коммунистов и итальянский предприниматель, индонезийский крестьянин и ирландский служащий...

Виджай Сингх, Мони Гуха, Пабло Миранда, Алека Папарига, Нейл Гулд, Умберто Ботафава... А кто слышал о Туфале Аббасе – Председателе Пакистанского рабочего фронта, который всю свою жизнь (ему уже перевалило за 90 лет) защищал Сталина от хрущевско-брежневских и даже от маоистских инсинуаций? Большинство этих имен ничего не говорят отечественному читателю, который после XX съезда КПСС был напрочь лишен доступа к международной про-сталинской информации. Чего уж говорить о времени нынешнем, когда капиталистическая система с разной степенью эффективности блокирует доступ к любому источнику не конъюнктурной, не ангажированной информации.

Клаус Хессе тоже не называет эти имена в своей книге. Однако они, как и сам немецкий автор, обретают все большую популярность в среде интеллектуалов и простых людей, которые не поступаются правом свободы выбора, отказываются от дороги, ведущей в тупик обмана, хотят выйти на просторы истины.

«Сталинский социализм» начинается с описания первых годов советской власти. Автор уделяет изрядное внимание политическим перипетиям, но не забывает и об экономике. В принципе, он не открывает ничего нового читателю, если тот хорошо знаком с советской и российской историей.

Я имею в виду не убогий и обычно брехливый учебный предмет, что преподают в теперешних школах и вузах, и не басни, которые изрыгает в статьях и книжках, в кинофильмах и телерадиоэфире кодла сванидзе, млечиных, сахаровых, пивоваровых, михалковых... — список длинен. Богатство историографии, добросовестность историков заключаются в свободе от планируемых мнений с заказанными и согласованными толкованиями. Это не значит, разумеется, что процесс «истинизации» неупорядочен, анархичен. Он — в единственно верном пути, житейски подчиненном чему угодно, а научно — исключительно антикапиталистическим исследовательским методологиям. Среди них ведущее место занимает методология марксистско-ленинско-сталинская. Шире и глубже нее в социальной природе ничего нет. Все остальное суть иррациональное отражение мира, его кривое зеркало.

Это отлично видно на примере растерянности российских правящих кругов. Они, пройдя в 90-х годах курсы накопления капитала и выхода с ним на международную арену, вознамерились защитить свои несметные богатства от посяга-

тельств со стороны нахрапистых западных держав. Но столкнулись с невозможностью защиты собственных интересов, когда обществом утеряна связь времен и преемственность традиций, когда сами русские заражены внедренными извне антирусскими настроениями.

Таков трагический результат «отмены» на конституционном уровне идеологии. Таков итог разведения на образовательном уровне плюралистической демагогии. Такова оборотная сторона позволения шельмовать советское прошлое – хоть на бытовом, хоть на международном уровнях.

Малоизвестный факт: германские генералы, столкнувшись после нападения на СССР с небывалым всенародным сопротивлением, признавали, что проиграли войну не столько советским генералам, сколько советским... учителям. На советской школе лежала основная тяжесть в воспитании неустрашимых патриотов. При Сталине она с честью выполнила свой долг – пробудила в молодежи дух героизма, свободолюбия, идейности. Естественно, не без помощи других институтов социалистического общества, выстроенного по ленинско-сталинской модели.

...И вот уже сам президент Российской Федерации озаботился проблемами преподавания истории. Озаботится ли он привлечением к этому важнейшему государственному делу специалистов, владеющих вышеуказанной методологией? Должен бы, если урок пошел впрок.

Но, даже не открывая ничего принципиально нового, Хессе справедливо убежден, что Октябрьская революция в России была неизбежна и что гражданская война закономерно привела к образованию Союза Советских Социалистических Республик. Он точен, указывая: главным условием победы контрреволюции в Польше, Финляндии, прибалтийских республиках, входивших некогда в царскую Россию, было не предоставление им независимости, а то, что внутренняя и внешняя реакция прибегли к военной силе. То есть грубо подавили волеизъявление народов.

Интересны его суждения по национальным вопросам, всплывшим в период объединения советских республик. Он обратил внимание на спор между Сталиным и Орджоникидзе, с одной стороны, и грузинскими национал-уклонистами, с другой. В 1922 году последние противились ленинско-сталинскому плану создания Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики в составе Азербайджана, Грузии и Армении. Они хотели, чтобы Грузия напрямую вошла в СССР. Серго Орджоникидзе в качестве первого секретаря Заккрайкома партии был взбешен саботажем национал-уклонистов, коих было большинство в ЦК Компартии Грузии. В этих условиях произошел инцидент с пощечиной, которую Орджоникидзе влепил одному из ветеранов партии – Акакию Кобахидзе.

Ленин был очень обеспокоен этим инцидентом, подверг критике не только Орджоникидзе, но и Сталина. Впрочем,

позже выяснилось, что происшествие носило не политический, а личный характер: Кобахидзе нанес словесное оскорбление Орджоникидзе, находясь у того в гостях, за что и поплатился оплеухой.

Мы знаем, что через некоторое время Ленин еще раз подверг Сталина критике – в так называемом «Письме к съезду». Антисталинисты, особенно те, что причисляют себя к коммунистам, любят цепляться за эти эпизоды в истории партии и раздувать их, доводя до состояния чуть ли не войны между Лениным и Сталиным.

Их излюбленный тезис: Ленин требовал сместить Сталина с поста Генерального секретаря ЦК партии. Хотя всем известно, что именно Ленин в 1922 году рекомендовал эту кандидатуру. Равно как то, что по его предложению еще в 1912 г. Сталина заочно кооптировали в Центральный Комитет РСДРП и в Русское бюро ЦК, и он с тех пор БЕССМЕННО находился в большевистских верхах.

Но Клаус Хессе дает иной контекст конфликтных событий: *«...Нужно отметить увеличение недовольства и раздражительности Ленина. Исключенный из всех сфер активной деятельности в связи со своей болезнью и информированный о состоянии дел только поверхностно, он был не в состоянии оставаться лидером в той мере, в какой это было ранее, на протяжении многих лет...».*

Автор напоминает о причинах ссоры Сталина с женой Ле-

нина, который к тому времени перенес два инсульта, был полупарализован. Врачи строго-настрого запретили ему работать.

«ЦК решил назначить Сталина лично ответственным за то, чтобы предотвратить все личные и письменные контакты с Лениным до его выздоровления», – пишет Хессе. И продолжает далее, что конфликт произошел, когда Сталин узнал о нарушении Крупской режима, предписанного врачом.

Немецкий профессор подметил в факте появления документа, надиктованного смертельно больным человеком, то, что в упор не желают видеть антисталински ориентированные историки: *«Среди написанного в нем множества соображений, которые должны быть приняты самым серьезным образом... влияние его болезни было таким же серьезным, как и масштаб его отчаянного положения».*

От себя добавлю. Измышления относительно враждебности Ленина и Сталина друг к другу имеют те же истоки, что и любое антикоммунистическое злословие. Все с точностью до наоборот. История мало знает примеров подобного единения помыслов и дел, подобной кристально чистой дружбы, подобного идейного родства. Невольно на ум приходит выдающаяся аналогия – Маркс и Энгельс.

Желающих ознакомиться с подробностями отсылаю к одному из лучших исследований как в этой, так и в других об-

ластях сталинской тематики – книге А.Н. Голенкова «Сталин без наветов».

Читателя там ждет много открытий. Обоснованно и вдребезги разбивается мифическое утверждение о том, что Ленин требовал убрать Сталина с должности руководителя высшего партийного органа. Показана суть т. н. «ленинского завещания», которого просто не существует, ибо подобное было принципиально невозможно за всю историю РСДРП – РСДРП(б) – РКП(б) – ВКП(б) – КПСС. Показана не столько критика в адрес Сталина – учитывая гневливость Ленина, довольно сдержанная и незначительная, – сколько обоснование неоспоримого лидерства Иосифа Джугашвили ввиду его политического, делового, биографического превосходства над прочими претендентами на эту роль.

Основатель коммунистической партии и советского государства бывал резок в своих отзывах. Он словесно не пощадил никого из тех, кого позже разоблачили, как врагов народа: Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарина, Пятакова, Рыкова, Шляпникова, Сокольникова, Томского, Раковского, Крестинского, Осинского и многих других. Вот только скрутить их в бараний рог и заставить держать ответ перед партией и народом Ленин не смог, не успел. Он завещал это Сталину, которого прижизненно сделал вторым человеком в фактической, а не кажущейся большевистской иерархии.

Политических претензий к Сталину – а это главное – Ленин почти не имел. О своем идейном наследнике он отзывался

ся в превосходной степени или, как минимум, положительно, и лишь в конце жизни два-три раза упрекнул его в том, что можно отнести к разряду мелких, скорее бытовых недостатков. Которые, в общем, были свойственны также ему самому.

Поэтому строгие, но несущественные упреки были извинительны, как для уходящего вождя, так и для заступающего на этот пост. Зато, например, критика Ленина в адрес Троцкого, метившего стать хозяином партии и страны, свидетельствовала о внутреннем неприятии иуды и открытом сопротивлении тому решительно во всем.

Кроме того, есть опубликованные и неопубликованные сведения о том, что Ленин не выдвигал даже формального предложения о замене генсека. Хессе, ряд других авторов как бы мимоходом отмечают немаловажную деталь: тяжело больной, он в то время не писал, а диктовал, не всегда будучи в силах перечитать диктовку. Кто-то мог внести в текст изменения. Но и это мало влияет на истину.

Ее, перефразируя строки из поэмы Владимира Маяковского, можно озвучить так:

Сталин и Ленин —
близнецы-братья, —
кто более матери-истории ценен?
Мы говорим – Ленин,
подразумеваем – Сталин,
Мы говорим – Сталин,

подразумеваем – Ленин.

Много внимания Хессе уделяет Троцкому, его борьбе против Ленина, а затем – Сталина. Имя Троцкого появляется уже на первых страницах книги. Вообще в книге перечислено большое количество отечественных деятелей эпохи революции, гражданской войны, НЭПа и первых пятилеток, оставивших в советской политической, экономической, военной и культурной жизни как положительный, так и отрицательный след.

Кроме вышеназванных, это – Плеханов, Фрунзе, Дзержинский, Радек, Лацис, Свердлов, Молотов, Калинин, Ногин, Теодорович, Мдивани, Яковлев, Луначарский, Менжинский, Смирнов, Муралов, Евдокимов, Смилга, Бакаев, Каганович, Киров, Ягода, Куйбышев, Фриновский, Ежов, Соколов, Берия, Ильюшин, Туполев, Вышинский, Шолохов, Ворошилов и многие-многие другие. Жаль только, что автор чаще ограничивается простым упоминанием о них, не давая хотя бы кратких характеристик.

Хессе отходит от модных псевдоисторических пассажей о том, что Троцкий являлся вождем Октябрьской революции и Красной армии не меньшим, если не большим, чем Ленин. Грешат раздуванием сего мифа не одни только российские историки. Но Хессе не согласен с мнением, являющимся общепринятым в определенных слоях европейской общественности. Белая ворона? К явному неудовольствию этих слоев,

всех троцкистов в мире, подобная белая мантия не только к лицу берлинскому профессору, она еще и единственно возможная.

Хессе верно подчеркивает, что большевики надеялись на мировую революцию, детонатором которой призвана была послужить революция в России. И констатирует, что, хотя революция не охватила все страны, а революционные выступления в Германии, Австрии, Венгрии были подавлены, молодая советская власть держалась. Вскользь коснувшись провокаторской роли Троцкого, сорвавшего подписание первоначального Брестского договора, и его авантюристической нацеленности на революционную войну, Хессе невысоко ставит способности Троцкого как наркомвоенмора и председателя Реввоенсовета.

Автор признает, что *«этот человек обладал выдающимися риторическими, организационными и интеллектуальными способностями»*. В то же время, указывает Хессе, *«его отличало... самолюбие, которое в своем тщеславии не знало границ»*. К большевикам Троцкий примкнул, когда стало отчетливо ясно, что они, а не меньшевики или какая-либо другая партийная сила, способны повести за собой народ на восстание. А ведь раньше он предрекал крах большевизму, оскорблял Ленина, называя его партийным узурпатором.

Хессе, к сожалению, не раскрывает подоплеку Октябрьского переворота (большевики не стеснялись именно так называть штурм Зимнего дворца и другие события 25 октября

1917 года). Троцкизм слишком опасен, чтобы пренебрегать его дополнительным разоблачением³. Поэтому остановлюсь на этом чуть подробнее.

Никаким руководителем восстания Троцкий не был. Он возглавлял Петроградский совет и был одним из многих участников захвата власти большевиками, обыкновенным исполнителем воли ЦК партии в масштабах города. Это верно, что Петросовет, готовясь к перевороту, образовал военно-революционный комитет, в котором действительно верховодил Троцкий. Однако сей комитет являлся органом местного значения и подчинялся другому вскоре образованному высшему командному органу.

Во Всероссийский центр – практический центр по организационному руководству восстанием в общегосударственном масштабе – на заседании ЦК были избраны Сталин, Свердлов, Дзержинский, Бубнов и Урицкий. Троцкого туда не включили. Его подчинили этому центру, следовательно, и Сталину. Все большевистские силы в стране, включая петроградские, действовали под контролем и по указаниям Все-

³ Необходимое уточнение. О троцкизме я говорю и употребляю сей термин не потому, что считаю его наукой, тем более – развитием марксистско-ленинского учения. Набор примитивных и уцененных троцкистских идей ни на какой «изм» не тянет. Мы вправе говорить о троцкистах и троцкизме подобно тому, как вправе считать головорезов батьки Махно последователями махновщины. Не более и не менее. Разница в том, что «махновщина» фонетически безупречна, тогда как «троцкистщина» неудоварима для произношения.

российского центра.

Троцкисты ссылаются на североамериканского коммуниста Джона Рида, находившегося тогда в Смольном. Он, дескать, ни разу не упомянул имени Сталина в изданной по горячим революционным следам книге «Десять дней, которые потрясли мир». Рид был честным автором. Но, как иностранец, не знал и не мог знать многих внутренних пружин развернувшейся борьбы, был не в состоянии до конца вникнуть в события, часть которых даже не попала в поле его зрения. Книгу он писал наскоро, в 1920 году умер. И не только не исключено, но вероятнее всего, что он переработал бы ее, обогатил бы новой, выявившейся лишь годы спустя, более глубокой информацией о революции и о партийных структурах.

Вклад Сталина в осуществление большевистского переворота, переросшего в подлинную революцию, заключался не столько в политической публичности и ораторской привлекательности, сколько в реальном и зачастую секретном планировании и претворении революционных акций. Конкретно — в захвате в столице и в других городах вокзалов, почты, телеграфа, банков, в занятии мостов и арсеналов, в блокировании возможных очагов сопротивления, в обеспечении связи с большевистскими комитетами Москвы, Урала, юга страны, в передаче им оперативных указаний и во многом другом.

Ведь перед революцией Сталин был фактическим руководителем партийной разведки и контрразведки. Во многом

благодаря ему партия была спасена от разгрома летом 1917 года, когда Временное правительство взяло курс на уничтожение большевизма. Выполнявшаяся под началом Сталина работа позволяла большевикам вовремя узнавать о намерениях противника и готовить контрмеры.

Таким образом, многоопытный подпольщик Сталин пребывал не на заднем плане событий, как врут троцкисты и остальные недруги коммунизма, а за кулисами, что не одно и то же. Решающим было именно закулисное влияние на события. Выход главных героев в финале на ярко освещенную революционной победой сцену представлял собой, несомненно, важный, но непринципиальный акт.

Роль Сталина была первостепенной, однако не связанной с гласностью, а многих документов об этом не могло и не должно было сохраниться. Об этой роли знали Ленин и некоторые члены руководства. Но не все, а те, кому надо. В законспирированных партийных сетях (по сути – резидентурах), высокопрофессионально организованных и управляемых будущим вождем, о Троцком большинство даже не слышало.

Сам Сталин, как сдержанный и объективный свидетель, всегда утверждал: у Октябрьского восстания был свой вдохновитель и руководитель – Ленин и никто другой. Мы имеем все данные для того, чтобы утверждать: Великий Октябрь вдохновлялся и руководился Лениным, а материализовывал-

ся Сталиным.

Троцкий в октябрьские дни семнадцатого года вертелся у всех на виду. Он перехватывал гонцов, слал депеши и отдавал приказы, рассылал нарочных, распекал невесть кого и невесть за что, рапортовал невесть о чем, имея иногда о происходивших событиях весьма слабое представление. Говорил речи, пересыпанные пламенными тирадами, срывал аплодисменты, проявлял другую активность, очень похожую на рекламную, что свидетельствует о качествах карьериста и проныры и ни о чем больше.

Преувеличенное впечатление о роли иудушки (так его неоднократно именовал Ленин) в тех событиях создавали его «сопровожденцы» и «восхищенцы», хорошо организованные и еще лучше оплачиваемые. Он сам произвел себя в руководителя Октября, с ловкостью шулера пользуясь как своей карманной идеологической услугой, так и свидетельствами воспламененных экстазом Троцкого очевидцев. Среди очевидцев, не ведавших о его интригах, были и крупные деятели революции: А.В.Луначарский, М.С.Урицкий и другие⁴. То была не их вина, а их беда. Многие очень скоро разберутся в беде под названием Троцкий-Бронштейн, и тот никаких панегириков больше от них не услышит.

Замечательно, когда в руководителе сочетаются оба та-

⁴ Куда больше – поначалу даже Сталин был вынужден положительно отзываться об октябрьских «заслугах» Троцкого. Иначе преждевременно мог подвергнуться обструкции со стороны орды троцкистов, пролезших во все поры партийного и государственного аппарата.

ланта – труд и красноречие. Однако в данном случае мы сталкиваемся с более распространенным типом личности и с более распространенной психологией публичного восприятия. Что обеспечит преимущество внешнему воздействию – блестящая, широковещательно транслируемая риторика при тусклой, провальной работе или высокоэффективная деятельность при невыразительном ораторстве, не говоря о полном умолчании? Конечно, риторика. Другой вопрос, что впоследствии жизнь неизбежно оттеснит, отбросит ратора, у которого за душой ничего нет, кроме словообильной демагогии, и выдвинет РАБОТНИКА. Но это впоследствии. А до той поры политическое трепло будет снимать сливки с общественного признания.

Словом, назначение Троцкого «главным по революции» состоялось лишь на бумаге, которая, как известно, все терпит. Место, куда троцкистам надлежит засунуть эту свою писанину, история отвела неприличное для печатного и даже для устного произношения.

Клаус Хессе иронично отзываясь о военных заслугах Троцкого. Применяет к нему термин «культ личности», называет сомнительными мотивы многих его действий. Однако соответствующий раздел книги довольно краток. А зря. Потому что наркомвоенмор и предреввоенсовета Троцкий провалил почти все операции Красной армии, к разработке которых имел отношение. Спасать положение, затыкать ды-

ры на фронтах гражданской войны, разваленных Троцким и его многочисленной креатурой, ЦК партии бросал Сталина, других большевистских военачальников. У Сталина состоялись десятки таких командировок – их насчитывают до 80, – в результате которых выиграны все бои, сражения, битвы и кампании, проведенные по его планам и под его руководством.

Троцкий тоже часто выезжал в районы боевых действий. Правильнее сказать, путешествовал по ним. Маршрут поездок этого «революционного» барина пролегал в основном по железным дорогам – поближе к благам цивилизации, подальше от окопов, в двух не по-военному комфортабельных составах с роскошными салон-вагонами. Кроме штаба поезд представлял собой трибунал на колесах, весьма скорый на расправу. От его приговоров, как показали позднейшие разоблачения, пострадали не только враги советской власти, но и верные ее сторонники, оказавшиеся неугодными Троцкому. В том числе по национальной причине.

Хессе рассказал об одной из жертв – о красном герое Б.М.Думенко. Тот организовал Первый кавалерийский социалистический крестьянский полк, постепенно став командиром кавбригады, затем кавдивизии, а позднее кавкорпуса. Ссылаясь на один из наших источников, Хессе пишет, что на совести Троцкого смерть Думенко, который отказался принять награду из рук Председателя Реввоенсовета, из-за чего был обвинен в антисемитизме и расстрелян. Хессе не пишет,

что официально герою инкриминировали убийство комиссара и подготовку мятежа – выдуманное обвинение, уже не имеющее существенного значения, т. к. Думенко справедливо и давно реабилитирован. Говорить следует о другом: гибель честных людей от рук троцкистов и в гражданскую войну, и позже есть исторически доказанное обвинение-приговор.

...Но вернемся к образу жизни «красного Бонапарта». Его поезду была придана типография, оперативно размножавшая речи, которыми Троцкий фонтанировал на всех остановках. Речистого и жестокого, темпераментного и любвеобильного «полководца» сопровождали сотни лиц: военспецы, повара, помощники, секретари, телефонистки, стенографистки, машинистки, фотографы, музыканты духового оркестра, кинооператор и прочая дворня. Писали, что в поезде для хранения продуктов имелся чуть ли не единственный на всю Россию компрессорный холодильник – чудо тогдашней техники.

Сопровождавшая Троцкого охрана имела кавалерию, была оснащена артиллерией, пулеметами, мотоциклами, автомобилями и бронеавтомобилями, даже аэропланами. По сравнению с такой свитой и такими удобствами Председатель Совнаркома Ленин, можно сказать, просто прозябал в Кремле, где, бывало, самостоятельно варил для себя жидкий супчик в маленькой, плохо топленной квартирке. Если же он отправлялся куда-то, то обычно в машине был только води-

тель, лишь иногда его сопровождал единственный охранник, отчего однажды Ленина на московской улице ограбила, отняв машину, банда налетчиков.

А Троцкий, умело эксплуатируя свой р-р-революционный внешний облик, с удовольствием предавался излишествам, отвечавшим его внутренним запросам. Вот он, бледный и небритый, затянутый в чёрную кожаную тужурку, митингует и рубит кулаком воздух. А вот он в шикарной шубе, розовощёкий, вальяжный и прихотливый, устраивает пышные выезды в Подмоскovie на охоту. По соседству с Лениным, не стесняясь, живет на широкую ногу, закатывает приемы и банкеты. Позже со ставшей для него тесной кремлевской жилплощади Троцкий переселился в поистине царские апартаменты знаменитой усадьбы «Архангельское» с ее музейными интерьерами, коллекциями произведений искусства и богатой утварью.

Он никогда не бедствовал и до революции – ни в России, ни в эмиграции, будучи отпрыском богатейшего помещичье-купеческого семейства, щедро субсидируемый враждебными социализму, коммунизму, всему роду людскому силами, о которых нужен отдельный разговор. Он покупал себе славу, вкладывал в нее средства, как в выгодное предприятие, чтобы жить, т. е. баламутить в комдвижении на проценты с вложенного капитала.

После смерти Ленина партия пережила много потрясе-

ний. Впрочем, разве она не испытывала их при его жизни! Они с особой силой стали зреть, когда обозначился скорый уход Ленина из жизни и Троцкий решил, что наступает его звездный час: захват власти в партии, а вслед за этим – в стране.

Двумя сильнейшими потрясениями стало появление сначала так называемой левой оппозиции («троцкистской», затем «новой» и «объединенной» оппозиций), потом – правой или бухаринской. Книга «Сталинский социализм» – это любопытная оценка обоих оппозиционных течений, даваемая иностранцем, попытавшимся разобраться в хитросплетениях советской политики 20-30-х годов. А ведь это не под силу иным современным российским историкам, предпочитающим кропотливым поискам в архивах дежурные, штампованные спекуляции на сей счет.

Хессе вполне осознает причину возникновения оппозиционных групп. Те не вызывают у него сочувствия, хотя он и рассуждает об их интригах в лояльном тоне. Есть, впрочем, и жесткие оценки. Так, он пишет: *«Игры за власть сопровождались участием в преступлении либо в сведениях о преступлении...»* (намекая, что неучастие в преступлении не освобождает от ответственности оппозиционера, который знал о нем и не противодействовал).

Другое нелицеприятное суждение – это ссылка Хессе на высказывания Ленина о Троцком, *«которого он (Ленин. – Л.Г.) описал, как адвоката ликвидаторов, врага и афери-*

ста, как искателя приключений, изображавшего из себя спасителя партии, как вруна и лицемера...»⁵ Он правильно замечает, что наиболее катастрофические последствия имели проникновение троцкистов в чекистские ряды. Перерождение некоторых коммунистических начальников имело место и потому, что те *«не смогли противостоять соблазну власти»*.

Добавила свое в идеологический и организационный раздрай Новая экономическая политика, неминуемо повлекшая за собой оживление капиталистических отношений и элементов. Любопытно, что и троцкисты, и вслед за ними бухаринцы ратовали за продолжение НЭПа, который, по сталинскому мнению, выполнил свою историческую миссию уже к концу 1920-х годов. К.Хессе не вдаётся в анализ событий, предшествовавших НЭПу, не касается глубинных корней троцкизма. Возможно, из-за недостаточности у него информации на данную тему. Как бы то ни было, эта тема важнее важного.

Исследуя истоки и ход событий, приведших к возникновению первого на Земле социалистического государства и его борьбы за выживание, неизбежно сталкиваешься с явления-

⁵ Ликвидаторство возникло в РСДРП после поражения первой русской революции в 1905-1907 гг. Меньшевики были в панике и требовали, чтобы партия прекратила все нелегальные виды деятельности и распустила подпольные структуры. Само собой, они отказывались от революционных лозунгов. За это большевики прозвали их ликвидаторами.

ми подспудного характера.

Более, чем симптоматично, что Троцкий, всю жизнь прикрывавшийся именем Маркса и втихомолку ненавидевший Ленина, еще во время гражданской войны скрыто атаковал Сталина, дабы искоренить только-только обозначившийся фактор сталинизма. Знаем мы и то, что после ее окончания он атаковал уже открыто.

Хотя для Сталина все это не было секретом, действия Троцкого в 20-х годах он, вероятнее всего, не воспринимал как борьбу против себя лично, тем более – против сталинизма. Он хорошо видел троцкистскую опасность для учения и дела Маркса – Энгельса – Ленина, но был далек от мысли о продлении этого ряда выдающихся имен за счет собственного. Если бы он думал об этом, он был бы не Сталиным, а самонадеянным выскочкой, верхоглядом, политическим самоубийцей. То, что он не был таким, то, что он мыслил и действовал по-большевистски (т. е. на пользу общественному, пусть даже во вред личному), есть необсуждаемая очевидность.

Конечно, сказать надо и о том, что Сталин после смерти Ленина в общем-то не цеплялся за должность генсека, неоднократно просил освободить его от нее, и продолжал выполнять ответственные обязанности, потому что подчинился практически единогласному требованию партии и желанию большинства трудящихся. Выбери Сталин иную позицию, смалодушничай, отойди от партийно-государственного

руля – и в той ситуации произошел бы неминуемый захват этого руля Троцким и компанией.

Характер сталинского выбора был далеко не личным. Выбор стоял между строительством реального социалистического государства и гипотетической мировой революцией. Вместо того, чтобы по троцкистскому рецепту истощать народные силы, бросая их в топку преждевременной, неготовой революции всемирного масштаба, сталинцы призвали массы создать мощный экономический и культурно-политический противовес царству капитала.

Это было важнее, это была оптимистичная и научная предпосылка сокрушения в будущем капиталистической системы. Ибо так создавались прочный тыл международного рабочего класса и конкретная материальная первооснова последующих антибуржуазных преобразований в стране и в мире. Не будем даже коротко обсуждать вероятную альтернативу, настолько очевидна ее трагичность. Не приступи мы к выполнению мобилизационных экономических директив сталинизма, страна стала бы легкой добычей только и ждущих удобного момента хищников, каковые вечны, покуда существует беспощадный мир капитализма.

План Троцкого примазаться к революционному порыву масс, прибрать его к рукам и искусственно продлить, прийти с его помощью к власти в возможно большем числе стран и придать там буржуазным порядкам чисто сионистские свой-

ства и направления, провалился. Последователи иудушки до сих пор рвут и мечут, визжа о предательстве Сталиным пролетарской революции, которую на самом деле они замыслили как троцкистскую контрреволюцию.

Впрочем, и без мировой революции у данной группировки разнокалиберного лагеря мирового капитала были в ту пору неплохие шансы пожить – всего одной, но зато какой страной!

Антиленинизм и антисталинизм должны были помочь им захватить и сионизировать махину развалившейся российской империи. В Западной Европе, в Штатах, в Азии и в Латинской Америке влияние сионистов уже тогда было огромным, но все-таки не беспредельным. Пока под запланированный Израиль одни из них приискивали местечко в какой-нибудь африкано-азиатско-американской тьмутаракани, другие положили глаз на оставшуюся, как они считали, бесхозной махину. Имея пропуск в будущее в виде коммунистических идей, паразитируя на них, пытаясь с их помощью объегорить настоящих борцов за советскую власть, троцкисты готовились создать де-факто сионистское государство.

Разве не Сталин, не сталинцы встали на их пути? Разве не сталинизм помешал превратить Россию, СССР в необъятный Израиль? А это пусть не навечно, но реально могло случиться.

Все знают, что для спасения власти Советов, закрепления победы революции, перетягивания на свою сторону ко-

леблющейся части крестьянства, восстановления экономики Ленин прибегнул к частичному переходу на капиталистическую систему хозяйствования. В 1921 году X съезд РКП(б) взамен прежней политики военного коммунизма с его продразверсткой провозгласил Новую экономическую политику.

Враги клянут продразвёрстку как «большевистский грабёж». Она действительно была болезненным явлением, вызванным тяжкими условиями гражданской войны и проистекавших отсюда бед. Вынужденная установить военный коммунизм и полностью запретить торговлю, советская власть изымала весь произведенный на селе хлеб, кроме минимально необходимого для пропитания крестьян запаса и посевного материала.

Не буду повторяться и говорить о том, что начатая капиталистами Первая мировая война разорила Россию задолго до Октября 1917-го, что капиталисты же развязали войну гражданскую. Скажу об одном несимпатичном и замалчиваемом факте: официально продразверстку первым, еще в 1916 году ввел царский режим, не сумевший обеспечить армию иначе, как массовой реквизицией у населения зерна и скота.

Красные сразу, как изгнали белых, взялись за экономические реформы, отменили разверстку, введя обычный продналог. После его натуральной уплаты крестьяне могли теперь распоряжаться излишками продовольствия по собственному усмотрению. Была разрешена свободная торговля и деятельность частного капитала, привлекались инвесторы из-за ру-

бежа. Но – и об этом не любят говорить «демократы» – НЭП вводился в условиях сохранения диктатуры пролетариата, руководящей роли компартии, государственной монополии внешней торговли, доминирования в промышленности госсектора. То есть были гарантированы невозврат к прошлому строю и в грядущем – окончательное вытеснение капитализма из всех отраслей народного хозяйства. Все же в тот период имели место пускай не принципиальные, но уступки капиталистам, пускай временное, но отступление.

Мало кто знает, что больше всех надрывался, призывая к этим отступлениям и уступкам, ультра-р-р-революционер Троцкий. Сей фанфарон, присвоивший себе внутри и вне страны репутацию бескомпромиссного ниспровергателя буржуазии, громогласно обвинял Ленина в том, что тот украл у него идею... оживления буржуазных отношений.

Кто-нибудь махнет рукой: опять Троцкий, не надоело? Надоело. Но что поделаешь – как только речь заходит о друзьях России, о ее спасении, тут же начинают сиять имя и лик Сталина. Зайдет она о врагах России, о ее гибели – всплывает тень иудушки. Плюнешь во все четыре стороны света и непременно попадешь или в Троцкого, или в его хозяев, или в его сторонников. Ведь эту тень отбрасывает не обычный политический труп, не бестелесная химерическая идея, а частица упитанного паучьего тела международной олигархии с мощной сионистской составляющей.

Сочиняя для дурачков дефективные теории, вроде «перманентной революции», Троцкий и после кончины Ленина из кожи вон лез, чтобы развить внутри Советского Союза буржуазные отношения, обеспечить высокие дивиденды своим политическим работодателям. В их число входило большинство крупных нэпманов и иностранных концессионеров той поры – сплошь соплеменников Троцкого-Бронштейна.

Не зря в двадцатых годах он поспешил занять «скромную» должность председателя Главконцесскома – ведомства, заключавшего контракты с иностранными бизнесменами и предоставлявшего им концессии для производственной и торговой деятельности на территории СССР. Там же подвизалось множество разоблаченных впоследствии врагов народа. Самые крупные и долгосрочные концессии получили рокфеллеровская нефтяная компания «Стандард Ойл» и банковский консорциум Я. Шиффа – элитные собственники мирового Сиона. Не осталась внакладе и печально памятная компания «Лена Голдфилдс»⁶. Главконцесском, погрязший

⁶ Эта компания хозяйничала в России и до революции, добывая 30 % русского золота. На ее приисках и по ее вине в 1912 г. произошел т. н. Ленский расстрел – убийство 270 мирных демонстрантов и забастовщиков. Получается, что кровавая расправа не только сошла ей с рук, но не помешала получить от Троцкого концессию на продолжение разработок тех же приисков. Причем, доля государства в доходах составила всего 3 %. Остальное, естественно, было долей компании, которая вела себя довольно нахально: увиливала от налогов, отказалась инвестировать даже часть прибыли в советскую экономику и т. д. На «Лену Голдфилдс» не было управы вплоть до 1929 г., когда ее наконец лишили концессии. Это был год высылки Троцкого из СССР.

в антигосударственной деятельности, разогнали в 1937 г.

Хотя книгу немецкого профессора и называли «Сталинский социализм», автор не акцентирует внимание на персональном вкладе Сталина в становление советской государственности, в развитие его идеологической и экономической базы, но при этом излагает события в целом объективно и непредвзято. Причитать его за это не стоит. Даже прогрессивная европейская профессура (да и наша отечественная тоже) пока далека от того, чтобы принять сталинизм как теорию, а не только практику.

Забегая несколько вперед, скажу: анализ сталинского духовно-материального наследия, логика классовой и национально-освободительной борьбы, перспективы и интересы рабочего движения и общего антикапиталистического сопротивления, результаты советского опыта таковы, что отрицание сталинизма в качестве составной части коммунистического учения льет воду на мельницу наших врагов.

Историческая правильность и последовательность вознесла сталинскую эпоху на высшую точку всех умопостигаемых человеческих достижений. Слово и дело научного коммунизма побеждали, потому что:

- марксизм спроектировал революцию;
- ленинизм совершил революцию;
- сталинизм очистил и защитил революцию – изнутри и извне, причем очищение и защита были не менее, если не

более важными и трудными, чем проектирование и свершение.

Добавлю, что отрицание сталинизма как науки вместе с общей десталинизацией, поразившей КПСС и другие партии, в немалой степени способствовали реанимации троцкизма. Но тот, несмотря на эту идейную подмогу и на поддержку международного капитала, так и не оправился от нокаута, нанесенного ему Сталиным и сталинцами. И по сию пору часто вынужден действовать негласно, отрекшись от своего истинного названия и содержания. Поэтому сталинизм надлежит расценивать как науку, даже если бы за ним числилось только это единственное, выдающееся достижение – разоблачение и ликвидация самой страшной внутрикоммунистической опасности.

Не будь идейного и организационного разгрома в партии левой и правой оппозиций, не было бы ни первых пятилеток, ни победы в Великой Отечественной войне. Советский Союз исчез бы еще в тридцатых годах прошлого века, уничтоженный предшественниками перестроечной банды восьмидесятых годов.

Могу добавить и другое: подтверждение последнего вывода вытекает из содержания всего произведения К.Хессе.

Не буду повторять факты и цифры подрывной деятельности оппозиционеров, их низкого морального облика, грызни между собой спервоначалу и спайку в дальнейшем, их беше-

ный натиск на сталинизм. Эти факты рассыпаны по разным главам и говорят сами за себя. Зато обращаю внимание читателя на то, что в книге названо неудавшимся переворотом Троцкого.

Клаус Хессе воспользовался любопытным источником – книгой «Техника государственного переворота» писателя Курта Зукерта, который в 1929 г. посетил Советский Союз. Перед этим Зукерт принял имя Курцио Малапарте, отчего в нашей стране его считают итальянским литератором. Речь идет об обыкновенном мелкобуржуазном авторе, широко прибегавшим к слухам и сплетням, не лишенным, однако, наблюдательности. От его во многом спорного, но ехидного произведения досталось таким диктаторам, как Гитлер, Муссолини, Пилсудский и другие. Но по выходе книги в свет на нее наиболее болезненно среагировал... Троцкий.

Я отобрал выдержки из «Техники государственного переворота», которых или нет у Хессе или они даны в сокращенном изложении⁷:

«После смерти Ленина Троцкий впал в великую ересь, попытавшись расколоть единую доктрину ленинизма».

«У Сталина все козыри на руках, когда в ответ на обвинения противников он утверждает, что должен был предохранить себя от опасностей, которые неизбежно возникли бы после смерти Ленина. – Вы воспользовались его болезнью, – говорит Троцкий. – Чтобы не дать вам воспользо-

⁷ Малапарте К. «Техника государственного переворота». – М.: «Аграф», 1998.

ваться его смертью, — говорит Сталин».

«История борьбы Сталина с Троцким — это история попытки Троцкого захватить власть и защиты государства Сталиным... это история неудавшегося государственного переворота».

«С начала 1924 года по конец 1925 года борьба протекает в рамках полемики между сторонниками «перманентной революции» и официальными хранителями ленинизма, теми, кого Троцкий называет «хранителями ленинской мумии».

«С помощью Менжинского, нового руководителя ГПУ (он сменил Ф.Дзержинского, затравленного троцкистами и скоропостижно скончавшегося в 1926 г. — Л.Г.), Сталин лично занимается организацией «специального отряда» для защиты государства. Техническое командование этим специальным отрядом, который размещается... на Лубянке, вверено Менжинскому; он контролирует отбор надежных людей из работников технических служб, электротехников, телеграфистов, телефонистов, железнодорожников, механиков и т. д. Каждый вооружен только ручной гранатой и револьвером, чтобы быть свободным в движениях. Специальный отряд состоит из ста «команд» по десять человек в каждой, которым приданы двадцать боевиков. Каждая команда располагает взводом пулеметчиков и двумя мотоциклистами... Менжинский... делит Москву на десять секторов; они будут связаны между собой секретной телефонной сетью, замкнутой на Лубянку».

«Организация эта, по словам Менжинского, «тайная и невидимая». Ее члены не носят формы, их нельзя узнать по какому-либо внешнему признаку: самая принадлежность к организации сохраняется в тайне. Кроме технической и военной подготовки, члены специального отряда получают и политический инструктаж: все средства пущены в ход для того, чтобы разжечь в них ненависть к явным или скрытым врагам революции, к евреям, к сторонникам Троцкого. Евреи в организацию не допускаются. Обучаясь искусству защиты советского государства от повстанческой тактики Троцкого, члены специального отряда проходят настоящую школу антисемитизма».

«У Троцкого начинает уходить почва из-под ног: слишком долго смотрел он на преследования, аресты, ссылку своих соратников, бессильный что-либо предпринять».

«...Троцкий остается верен своей тактике: на штурм государства он хочет бросить не толпу, а тайно сформированные особые отряды. Он хочет захватить власть не путем открытого восстания рабочих масс, а в результате «научно подготовленного» государственного переворота».

«Тысяча рабочих и солдат, давних сторонников Троцкого... готовы к решающему дню: троцкистские команды... давно уже проходят тренировку на «невидимых учениях»... Менжинский всеми средствами пытается затормозить движение противника, но акты саботажа на железных дорогах, электростанциях, телефонной сети и телегра-

фе множатся с каждым днем. Агенты Троцкого проникают повсюду, нащупывая сцепления и узлы технической структуры государства, вызывая порой частичный паралич самых ранимых органов».

«Восстание должно начаться с захвата технических узлов государственной машины и ареста народных комиссаров, членов Центрального Комитета... Но Менжинский отразил удар: красногвардейцы Троцкого никого не застают дома. Вся верхушка сталинской партии укрылась в Кремле, где Сталин, холодный и невозмутимый, ждет исхода борьбы между силами повстанцев и специальным отрядом Менжинского».

«Седьмое ноября 1927 года... В то время как народный комиссар обороны Ворошилов принимает парад советских войск... Троцкий во главе своей тысячи предпринимает государственный переворот. ... Менжинский успел принять все необходимые меры. ... Этого Троцкий не предвидел. Он слишком презирал Менжинского и был слишком высокого мнения о себе, чтобы считать руководителя ГПУ достойным противником. ... Он круто меняет план действий: теперь он будет целить в политическую и административную структуру государства. Он уже не может рассчитывать на свои штурмовые отряды, отброшенные и рассеянные...».

«Его призыв к пролетарским массам Москвы был подхвачен лишь несколькими тысячами рабочих и студентов. В то время как на Красной площади, перед мавзолеем Лени-

на, толпа окружает трибуну, где находятся Сталин, руководители партии и правительства... сторонники Троцкого наводняют огромную аудиторию университета, отбивают атаку отряда милиции и направляются к Красной площади во главе колонны студентов и рабочих... При первом же столкновении колонна его сторонников отступает...».

«Поведение Троцкого в этих обстоятельствах подвергалось с разных позиций самой суровой критике... Призыв к народу, выход на площадь – все это было просто дурацкой авантюрой».

Думается, процитированные отрывки привлекательны не своим хромающим историзмом, а тем, что отразили реакцию западной общественности, активно интересовавшейся внутрисоветскими делами. Благо наблюдения автора были сделаны, как говорится, по свежим следам и непосредственно на месте преступления.

Хессе не пренебрегает мнением и цитированием другого, фактически однотипного с Зукертом-Малапарте автора – Исаака Дойчера. Выходец из польских евреев, подданный Великобритании, он был не только историком и публицистом, но и завзятым антисталинистом. Что ж, учитывая общую направленность «Сталинского социализма», данный факт лишь прибавляет книге веса. Использовать врагов сталинского социализма к пользе сего феноменального явления есть прекрасный историко-исследовательский ход.

Монументальный труд берлинского ученого ценен тем,

что наводит на дополнительные размышления и побуждает человека, воспитанного на ненаучных, стандартных постулатах, пересмотреть то, что еще вчера казалось незыблемым.

Хессе заостряет наше внимание на многих важных и судьбоносных вещах. Но я бы заострил внимание самого профессора на вопросе, заданном им косвенно, хотя требуется прямое и подробное рассмотрение его. Заниматься этим в надлежащем объеме я не буду, но о главном скажу.

В сущности, и левая, и правая фракции в ВКП(б) ненамного отличались друг от друга. Недаром Сталин метко заявил: пойдешь налево – придешь направо. Позднейшая идейно-организационная смычка бухаринцев и троцкистов наглядно продемонстрировала это. Обе фракции были едины в том, что в отдельно взятой стране, находящейся в капиталистическом окружении, построить социализм невозможно. Между тем, Сталин **ВПЕРВЫЕ** обосновал и доказал сначала теоретически, а затем практически возможность построения социализма собственными силами именно в одной стране, пусть и окруженной враждебными капиталистическими государствами.

Стереотип, внедренный в массовое сознание оппортунистической пропагандой, отдает здесь приоритет Ленину. Но это не так. Разумеется, Ленин разрабатывал планы социалистического переустройства общества, после того, как пролетариат завоюет власть. Однако рассматривал их преимущ-

щественно сквозь призму победы мировой революции. Собственно говоря, то была господствующая точка зрения среди большевиков.

Они, как и все ранее запрещенные царизмом политические движения, вышли из подполья после февральского буржуазного, антимонархического переворота 1917 года. Но уже летом того же года были вновь туда загнаны наступившей реакцией. На состоявшемся в этих тяжелых условиях в июле-августе VI съезде РСДРП(б), т. е. еще до взятия власти большевиками в октябре, Сталин первым в партии предположил, что Россия сможет осуществить социалистические преобразования в одиночестве, без опоры на зарубежные революции, кои могут и не состояться. До него такого заявления не делал никто. Впоследствии он продолжил научные изыскания в этом направлении.

У Сталина хватило ума, такта, порядочности, чтобы не выпячивать собственную роль в вышеназванном теоретическом обосновании. Он искренне любил Ленина, преклонялся перед его жизненным подвигом, бескорыстно поддерживал его всегда, начиная с заочного – по книгам и статьям – знакомства и кончая совместной работой в высших органах партийной и государственной власти. Он произнес потрясающую по духу верности и силе убеждения клятву над гробом Ленина и всю жизнь обнажал голову перед памятью своего учителя.

Здесь самое время затронуть проблему научной систематизации и терминологического оформления ленинизма. Этим процессом тоже руководил не кто иной, как Сталин. Именно он ввел «ленинизм» в широкое обращение – не только научное и общепартийное, но и народное.

Ему приписывается фраза, что «ленинизм есть высшее проявление русской культуры». Не исключено, что он действительно сказал это. Но доподлинно известны другие его слова: *«...Мы знаем, что ленинизм есть явление интернациональное, имеющее корни во всем международном развитии, а не только русское».*

Сталин, не раздумывая, отдавал Ленину собственное приоритетное право на те или иные теоретические открытия, толкования, предвосхищения. Потому что безупречное жизненное кредо обоих вождей, как старшего, так и младшего, может быть выражено политической лирикой все того же Владимира Маяковского:

...Сочтемся славою —
ведь мы свои же люди, —
пускай нам
общим памятником будет
построенный в боях
социализм.

Вытекает ли отсюда, что мы бестактны, возвращая Сталину пальму первенства в данном вопросе? Нет. Мы всего

лишь объективны. А учитывая деструктивную, антисталинскую деятельность псевдоленинцев типа Хрущева или Горбачева, мы наряду с корректировкой неверного стереотипа наносим удар по невеждам и ренегатам, по недобросовестным преподавателям учебных заведений и неполноценным учебникам. Образ Ленина от этого не только не меркнет, но выигрывает: каким же прозорливым был Ильич, что заметил, вырастил, выдвинул такого ученика, такого преемника!

Сталина, и это мое глубокое убеждение, надо рассматривать в первую очередь именно как теоретика. В этом качестве он проявил выдающиеся – а многие по праву считают, что гениальные – способности в осмыслении и дальнейшем развитии большинства марксистских и ленинских идей. Неужели трудно понять, что иначе он просто не смог бы состояться как великий практик?

Я знаю, что оппоненты будут возражать. Они будут настаивать, что Сталин ставил ленинизм выше всех философских, политических и экономических наук и, кстати, резко возражал против понятия «сталинизм». Да, это так. Но давайте заглянем в историю поглубже.

Когда жил и творил Карл Маркс, то почти никто, кроме Фридриха Энгельса, не осознавал, что новая философия освободительной борьбы, политико-экономические законы, открытые и введенные в теорию и практику ее, могут и должны называться марксизмом. Это произошло позже. Лишь после смерти Маркса данный научный термин прочно укор-

нился, как среди последователей, так и в стане врагов.

Когда жил и творил В.И. Ленин, терминологического понятия «ленинизм» практически не существовало. Более чем очевидно, что лично Ленин резко возражал бы против использования коммунистами этого понятия. Но после его кончины оно все-таки вошло в жизнь, в плоть и кровь политических и экономических реалий.

Никто из классиков научного коммунизма не был себялюбивой политической дешёвкой, которыми так изобилует буржуазная действительность – самохвальная, крикливая, лжепафосная. Нет ничего труднее, чем вообразить их рекламирующими свои произведения, упивающимися собственным научным авторством. Так же невозможно представить, чтобы слух Маркса и Ленина услаждали эти два бессмертных слова – «марксизм» и «ленинизм». Революционеры всего мира, если и нарушили волю основоположников, то не из-за своих карьеристских побуждений и не из-за корыстных амбиций отцов-основателей, чего не было, а по причине исторической адекватности и справедливости. Каковая у людей высокоморальных ассоциируется в первую очередь с общественными, а не с личными лаврами, то бишь интересами.

Почему же не стало нормой употребление термина «сталинизм»?

Вообще-то сразу, как вождь скончался, непривычное для сегодняшнего уха словосочетание «марксизм-ленинизм-сталинизм» стало появляться – не могло не появиться – изред-

ка в выступлениях советских, чаще – зарубежных деятелей, в нашей и иностранной прессе, в научной литературе⁸. В СССР это продолжалось недолго – какую-то пару лет, до XX съезда КПСС, состоявшегося в 1956 году.

Тогда был дан старт государственному антисталинизму в СССР. Тогда мировая реакция обрела своего лучшего и парадоксального союзника, который сделал ей бесценный идеологический подарок.

Наивные полагали, что Хрущев боролся с последствиями якобы негативных персональных качеств покойного вождя и с якобы незаслуженно завышенной оценкой наследия того. Однако трезво мыслящие угадывали: удар наносится не по преувеличению достоинств и не по одной лишь личности. Удар ставил целью усечение полнокровного тела марксизма-ленинизма-сталинизма путем изъятия его венчающей части. К чему привело деформированное учение и соответственный отказ от его практического воплощения – теперь видят все.

Клаус Хессе не обходит стороной болевые точки советской истории предвоенных лет. Он вежливо опровергает

⁸ Предложения внедрить понятие «сталинизм» поступали еще в 1930-х годах, в том числе от крупных партийных руководителей. Например, от таких, как Л.М.Каганович, доказавший всей своей жизнью преданность идеалам коммунизма. Оно в тот же период исходило и от Н.С.Хрущева, отступившего после смерти Сталина от большей части этих идеалов и продемонстрировавшего всей своей жизнью голый карьеризм пополам с подлостью.

расхожие домыслы о том, что Сталин накануне войны якобы «обезглавил» Красную армию. Откровенно говоря, российские историки и архивисты столько раз разоблачали чушь про «обезглавливание», что можно было бы эту часть книги бегло пролистать. Но не будем забывать, что «Сталинский социализм» писался для западного читателя. Тому полезно прочистить мозги, набитые западными же фальшивками.

Однако и отечественные фальсификаторы не успокаиваются. Поэтому я позволю себе без профессорских церемоний еще раз ткнуть эту малопочтенную публику ее мягким носом в жесткую правду.

Обсасывать обглоданную тему-кость репрессий в Красной армии – излюбленное занятие голодных психо– и социопатов. Они усердно оплакивают 40-50 тысяч командиров РККА, расстрелянных в тридцатых годах. Но, имея низкую военную компетенцию, смешивают звания, путают должности, ни к селу ни к городу сыплют выражениями: «комсостав», «старший комсостав», «высший комсостав», «офицеры». Все это вместе с плачем по тысячам казненных генералов и адмиралов – самое легкое проявление их полоумия⁹.

Что же на деле имело место? А то, что в 1930-х годах из вооруженных сил УВОЛИЛИ приблизительно сорок тысяч человек. Цифра 50 000 тоже указывается. Она, возможно,

⁹ Наши командиры и начальники стали называться офицерами и получили погоны вместо прежних знаков различия – петлиц – лишь в 1943 г. Звания «генерал» и «адмирал» были введены в 1940 г.

учитывает дополнительную убыль из-за смертности: по болезни, в боевых столкновениях на госгранице и за рубежом, в результате несчастного случая при выполнении воинского долга.

За что они были уволены? За свое иностранное гражданство, уголовные преступления, недостойное поведение в быту, потерю политической бдительности, по дисциплинарным причинам и служебному несоответствию, возрасту, состоянию здоровья и т. д.

Многие обжаловали обоснованность увольнения. Специальная комиссия рассмотрела около тридцати тысяч таких жалоб, ходатайств, заявлений. Каким-то жалобщикам она отказала. Другим изменяла, смягчала статью увольнения, помогала восстановлению членства в партии, удовлетворяла иные просьбы. Тем более что командиров в войсках действительно не хватало. Не из-за «репрессий», а из-за общего увеличения численности армии перед войной, из-за того, что военные училища не поспевали за растущими потребностями.

По политическим мотивам было арестовано всего 8 тысяч военнослужащих. (По другим данным – 9,5 тысячи). Полторы тысячи из них были восстановлены в должностях, будучи оправданными. Из остальных многие совершенно по заслугам угодили в «места не столь отдаленные».

Число приговоренных к смертной казни определяют в 400 и даже в 1000 человек, но в него вошли не только «полити-

ческие» и не только командиры. К расстрелу «за политику» были приговорены только семьдесят представителей высшего комсостава. Лишь в отношении 17 приговор был приведен в исполнение. В основном это были высокодолжностные лица – члены троцкистского подполья, участники заговора с целью захвата власти посредством антибольшевистского военного переворота, намеченного на 1937 год.

Сорок или даже пятьдесят тысяч и 17 – ничего себе параметры вранья!

По так называемому ГУЛАГу ситуация схожая. Хессе пишет: *«Количество тех, кто был в лагерях, указывается (в антисоветских материалах – Л.Г.), как кому заблагорассудится: 40, 50, 60 и так до 120 миллионов».*

Профессор ошибается. На 120 миллионах воспаленное воображение антикоммунистов не останавливается. Я лично встречал материалы, где возвещается о 140 миллионах жертв, умерщвленных Сталиным.

А однажды некий «ебелдос» (кличка всякого, кто орал на собраниях и площадях: «Ельцин! Белый дом! Свобода!») в присутствии иностранных гостей – историков из США – раздул сей мартиролог до 250.000.000. Между прочим, «ебелдос» был не из рядовых – доктор наук, проректор солидного вуза. Североамериканские коллеги переглянулись между собой и тактично намекнули, что в СССР не было столько населения. Но сей «ученый муж», как ни в чем не бывало, уточ-

нил, что включил сюда предполагаемое количество неродившихся детей предполагаемых же, но погибших родителей.

Хорошо бы при этом привести данные по общему числу репрессированных за аналогичный период во всех пресловутых «демократических» странах. И не только в метрополиях, но и в колониях, где чаще всего не осуществлялось даже подобия суда. Вот на совести кого имеются миллионы невинных жертв.

Называет Хессе и количество приговоренных к смертной казни: 786 тысяч человек. Автора можно и даже нужно поправить, хотя винить его не за что. У наших исследователей доступа к такого рода сведениям все-таки больше. Так вот, имея дело с фактами, а не с бабушкиными сказками, мы высмеиваем и отмечаем липовые сообщения о миллионах расстрелянных. Дабы эффективнее припечатать «разоблачителей», делаем это также с помощью признанных борцов-тяжеловесов с культом личности – Хрущева и Горбачева. Уж их-то антисталинизм ни у кого сомнений не вызывает.

Хрущев первым озвучил количество «жертв сталинизма» – лиц, приговоренных к смерти в период, охватывающий 1921-54 годы, – 642 тысячи человек. Во время перестро-ечного шабаша специально созданная комиссия, руководимая одиозным А.Н.Яковлевым, спрятавшись подальше от чужих глаз и скребя непонятно по каким архивным «сусекам», вдруг выдала новую цифру: 750.000 человек. Да еще утаила, что этот показатель включал в себя уголовную со-

ставляющую. В 1992 г. она выдала цифру 878.000 человек, скороговоркой пробормотав, что таково общее число расстрелянных за все время существования советской страны.

На этом комиссия выдохлась и заглохла, будучи не в силах поднять заказную «планку» выше. Да в сущности, народу до нее нет никакого дела: надоела гробокопательная возня. Оба подлога – хрущевский и горбачевский – пусть остаются на совести антисталинистов. Между делом отмечу, что есть исследователи, подсчитавшие, что за все годы сталинизма количество казненных не превышает 300 тысяч человек.

Что еще сказать о книге Клауса Хессе? Работа им проделана огромная. Список использованной литературы включает около четырех сотен книг и статей разнообразных авторов. Некоторые из них – непримиримые противники, идеологически враждующие между собой. Это, не считая десятков трудов Маркса, Ленина, Сталина.

Хессе не пренебрегает и сухой отчетностью, особенно когда рассказывает об индустриализации и коллективизации, о культурной и духовной революции в сталинизированном обществе. В постсоветское время об этом наворотили столько откровенного вранья, что можно только выразить благодарность немецкому профессору, который взялся по-своему осветить эти эпохальные свершения.

Для читателя, который перекормлен вышеупомянутым враньем, вновь будет многое. Большинство же советских лю-

дей старших поколений всегда смотрели на те свершения иначе, нежели злобствующие критиканы. Ибо судьбы рабочих, крестьян, интеллигенции были неотделимы от этапов индустриализации и коллективизации, как в горе, так и в радости. В основном это было отношение, замешенное на гордости за родину и благодарности Сталину и сталинцам за заботу о народе.

В этой связи не только жителям Германии, но всякому европейцу полезно было бы ознакомиться с произведением Клауса Хессе. И хочется надеяться, что однажды так оно и произойдет. А пока и россияне могут не без пользы для себя прочитать «Сталинский социализм. Практическое исследование».

Лаврентий Гурджиев

Часть первая. Первые годы Советской России – от новой экономической политики к коллективизации и социалистической индустриализации

Глава 1. В борьбе против отсталости: проблемы, программы и возможности

Молодая советская власть стойко держалась – в мировой изоляции, без необходимого экономического опыта и без значительных ресурсов, под бременем, вызванным мировой, гражданской войнами и интервенцией, которые повлекли за собой потери и наложенную после Октябрьской революции экономическую блокаду.

Значительная часть промышленных центров, сосредоточенных лишь в немногих регионах, была уничтожена, а оставшиеся устарели. Необходимая для экономического развития транспортная сеть этой огромной территории была отброшена к исходной точке. Экономика и обеспечение насе-

ления продовольственными товарами, текстильными изделиями, обувью и промышленными товарами были на грани развала.

Учитывая то, что не было возможности приобрести бывшие тогда в употреблении станки, оборудование, текстиль и другие товары для срочной переработки сельскохозяйственной продукции, многие крестьяне, которые были обязаны осуществлять поставки сельскохозяйственных продуктов государству, перешли на самообеспечение. Большие посевные площади оставались незасеянными именно потому, что вследствие войн существенно сократилось число тех, кто мог бы пахать землю, сеять и собирать урожай. Уже в 1920 году производство тяжелой промышленности по сравнению с 1913 годом уменьшилось на 15 %, а производительность труда снизилась на 39 %.

Все это: и унаследованная от царских времен отсталость в развитии сельского хозяйства все еще крестьянской Советской России, и отсутствие промышленной отрасли, которая могла бы сравниться с другими государствами, – во многих отношениях поставило под сомнение все планы на будущее. Будет уместно еще раз вспомнить слова Маркса: «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями... Тогда наступает эпоха социальной революции».

В Советской России из-за последствий царского само-

державия и оставшейся после войны катастрофичной нужды сложилась такая ситуация, при которой социалистическая революция оставалась единственной реальной альтернативой распродаже национальных интересов, приведенной в действие буржуазией.

Поучительно также, особенно в свете недавнего опыта, что угроза разбазаривания огромных ресурсов и начатая со стороны бывших союзников и Японии фрагментация и колонизация оставляли единственную возможность сделать этот шаг, несмотря на то что объективное развитие производительных сил, т. е. научно-технический потенциал и рабочий класс, не созрело для этого. У Плеханова были вполне серьезные причины для сомнения. Но также четко установлено, что часы мировой истории не успевают идти за теоретическими предписаниями. Уже поэтому первые шаги гражданско-демократической революции должны были потерпеть неудачу, так как русская буржуазия на пороге перехода к империализму уже только на основании своих интересов не имела ни желания, ни возможности выполнить первоначальные требования этой революционной борьбы. С продолжением войны, приведенной в действие этими кругами, Россия попала в катастрофу. Тем самым был прегражден не менее конфликтный и противоречивый путь к гражданско-демократическому развитию на базе капиталистического развития. При таких условиях не оставалось никакого выхода, кроме социалистической революции. Большеви-

ки осознавали: успех русской революции во многом объясняется тем, что Россия была варварски угнетена царизмом и ни одна другая страна, кроме России, не была подвергнута таким пыткам и мучениям во время войны. Осуществление социалистической революции подкреплялось надеждой, что революция в России станет первым огнем социалистических революций в Западной Европе. В январе – феврале 1918 года в работе «К истории вопроса о несчастном мире» Ленин писал: «Нет сомнения, что социалистическая революция в Европе должна наступить и наступит. Все наши надежды на окончательную победу социализма основаны на этой уверенности и на этом научном предвидении».

Но на унижительные условия Брестского мира и нацеленность Троцкого на революционную войну Ленин ответил: «Ведению революционной войны сейчас, непосредственно в этот момент, препятствуют материальное состояние армии и интересы социалистической революции, которая уже началась». Построение социализма в России представлялось на этой стадии лишь как часть международного революционного развития. В январе 1918 года Ленин пишет: «Мы никогда не обольщали себя надеждой, что можем окончить переход от капитализма к социализму без помощи международного пролетариата. Окончательная победа социализма в одной нашей стране невозможна».

И все же в результате Первой мировой, гражданской вой-

ны и военной интервенции молодая советская власть осталась одна. Большевики не только надеялись на ощутимую поддержку революционного движения, но и верили (уже в годы гражданской войны), что социалистическая революция в России станет первым огоньком целого ряда революционных пожаров в других странах и все это выльется в мировую социалистическую революцию. Но после Первой мировой войны мировой революции не случилось. А революции в Германии, Австрии и Венгрии, а также в других частях света, были подавлены при поддержке социалистов и социал-демократических политиков. Но снова и снова возникала преисполненная надежд мысль: «Мы теперь ясно видим, как пойдет развитие революции – русский начал, немец, француз, англичанин доделает и социализм победит». Насколько насущными были эти ожидания, станет понятно из слов Троцкого: «...не подлежит никакому сомнению, что конечная победа нашей революции, если бы она осталась одинокой, если бы не было революционного движения в других странах, была бы безнадежной».

Только на этом основании имело бы смысл размышлять над тем, что «экспроприация капиталистов неизбежно даст гигантское развитие производственных сил человеческого общества», как писал Ленин в работе «Государство и революция». Тогда невозможно было предвидеть, насколько быстро она «приведет к уничтожению разделения труда, к превращению труда в самую первую жизненную потреб-

ность». Но всего этого не произошло. Советский Союз должен был за короткие сроки войти в современную фазу развития производственных сил, после того как Советы захватили и удержали политическую власть.

Глава 2. Образование Союза Советских Социалистических Республик

Уже в ходе гражданской войны на Украине, в Белоруссии и на территории Кавказа были попытки разделения областей. Националистические группировки различных мастей образовывали собственные армии, и во многих областях многонациональное государство было на грани распада. Но выход Финляндии, балтийских республик и Польши был, безусловно, определен не только готовностью к этому некоторых членов Совета народных комиссаров, но и решением этих вопросов в соответствии с представлениями о национальном самоопределении. Это не относилось ни к позднее по этой модели интерпретированному выходу Финляндии, ни к Польше, ни тем более к балтийским республикам. Во всех этих странах, в силу внешней и внутренней реакции, выход сопровождался использованием военной силы, военными конфликтами.

В руководстве партии уже во время гражданской войны существовали различные идеи решения всех этих вопросов. Особенно очевидным это становилось в спорах между центром и некоторыми представителями коммунистической партии народов Кавказа. Юрий Жуков описывает это следу-

ющим образом: после того как в течение 1922 года образовался союз между Сталиным, председателями правительств Украины и Белоруссии – Раковским и Черняковым – и лидером компартии Грузии Мдивани, 6 октября план Сталина должен был быть подтвержден Центральным Комитетом партии. На заключительной стадии переговоров в конце ноября 1922 года произошла потасовка между Орджоникидзе и грузинским коммунистом Кобахидзе. Тяжело больной Ленин был возмущен, когда до него дошли слухи, связанные с этим конфликтом, и потребовал тщательного расследования этого инцидента.

В связи с этим нужно отметить увеличение недовольства и раздражительности Ленина: исключенный из всех активных сфер в связи со своей болезнью и только поверхностно информированный о ходе дел, он оказался не в состоянии быть лидером в той же мере, что и ранее, а ведь это было на протяжении многих лет его образом жизни. Также в результате расследования этого инцидента в ноябре 1922 были приняты решения по изменению состава ЦК КП Грузии, по «Союзу Республик» и принятию единого государственного бюджета СССР. Решения были приняты с ведома Ленина, но уже без его активного участия. Один-два месяца спустя должно было быть принято постановление о вступлении Украины, Белоруссии и Закавказской Федерации в состав РСФСР. Но на пленарном заседании Каменев выступил с сообщением о том, что отсутствующий в связи с тяжелой

болезнью Ленин настаивает на формировании Союза Советских Социалистических Республик. В договор также должен был быть включен пункт, который предоставлял бы республикам право выхода из Союза в любой удобный для них момент. Затем члены ЦК проголосовали в соответствии с предложением Ленина. 18 ноября 1922 года в газете «Правда» было опубликовано интервью со Сталиным под названием «Вопрос об объединении независимых национальных республик», в котором он сообщил о готовящемся образовании Союза Советских Социалистических Республик: «Инициатива движения принадлежит самим республикам. Еще месяца три тому назад руководящие круги закавказских республик поставили вопрос о создании единого хозяйственного фронта советских социалистических республик и об объединении их в одно союзное государство. Тогда же был перенесен вопрос на широкие партийные собрания в некоторых районах Азербайджана, Грузии и Армении, вызвавший, как видно из соответствующих резолюций, небывалый энтузиазм. Почти одновременно с этим был возбужден вопрос об объединении на Украине и Белоруссии, вызвавший там среди широких партийных кругов, так же как и в Закавказье, определенно восторженное отношение. Эти обстоятельства несомненно говорят о жизненности движения и о том, что вопрос об объединении республик, безусловно, назрел».

Сталин видел решающие для этого мотивы прежде всего в экономике. Речь шла о помощи крестьянскому хозяй-

ству, поднятии промышленности, улучшении средств сообщения и связи, финансовых вопросах, вопросах о концессиях и прочих экономических договорах, совместных выступлениях на зарубежных рынках в качестве покупателей или продавцов товаров. «Истощение внутренних хозяйственных ресурсов наших республик в результате гражданской войны, с одной стороны, и отсутствие сколько-нибудь серьезного притока зарубежного капитала, с другой стороны, создали такую обстановку, при которой ни одна из наших советских республик не в силах восстановить свое хозяйство своими собственными силами. Это обстоятельство особенно ощутительно теперь, когда Советские республики впервые после ликвидации гражданской войны приступили серьезно к разрешению хозяйственных вопросов и здесь, в ходе работы, впервые ощутили всю недостаточность изолированных усилий отдельных республик, всю неизбежность соединения этих усилий и хозяйственного объединения республик как единственного пути действительного восстановления промышленности и сельского хозяйства». В этой связи Сталин указывал также на то, что уже в годы гражданской войны и интервенции это привело к объединению военных усилий.

Затем, в ходе дипломатических переговоров с империалистическими государствами в Генуе и Гааге, стало ясно, что с их стороны были попытки восстановить капиталистические отношения собственности. На конференции в Генуе

советская делегация представляла не только РСФСР, но и все другие Советские республики (Азербайджанскую, Армянскую, Белорусскую, Бухарскую, Грузинскую, Дальневосточную, Украинскую и Хорезмскую). Но теперь речь шла об объединении экономики и при этом об объединении на добровольной основе.

26 декабря 1922 года на десятом Всероссийском конгрессе Советов Сталин держал речь об объединении Советских Республик. В ней он упоминал о том, что объединяются четыре республики: РСФСР как целостное федеральное образование, Закавказская Республика тоже как целостное федеральное образование, Украина и Белоруссия. Две независимые народные Советские республики, Хорезм и Бухара, пока остаются вне рамок этого объединения только потому и исключительно потому, что не являются еще социалистическими. В своей речи он ссылаясь на три группы причин, которые делали это объединение необходимым. Во-первых, он указывал на необходимость рационального использования слитых за семь лет войны ресурсов, на исторически выросшее разделение труда между частями страны, на безнадежное состояние транспортных связей и, наконец, на недостаток финансовых ресурсов.

Во-вторых, он напоминал о внешних общих условиях, о трудностях работы с иностранным капиталом, о проблемах установления дипломатических отношений с другими госу-

дарствами и о по-прежнему существующей опасности новой войны. Все это было необходимо для того, чтобы содержать общую армию, которая будет в состоянии обеспечить надежность республики. При этом он обращал внимание на опасность экономического бойкота, о которой уже упоминалось в переговорах с Уркартом. Хотя полный экономический бойкот республики и не удался, но большого притока капитала для нужд хозяйства тоже не наблюдалось. По-прежнему существовала опасность экономической изоляции. Эта новая форма интервенции, не менее опасная, чем интервенция военная, могла быть устранена лишь созданием единого экономического фронта Советских республик в капиталистическом окружении. В то же время Сталин указывал на то, что предпринятая на Лозаннской конференции попытка дипломатически изолировать Советскую Россию потерпела неудачу потому, что Советские Республики выступали вместе. Исходя из этого он внес предложение президиума Всероссийского исполнительного комитета объединить РСФСР, УССР, Закавказскую федерацию (ЗСФСР) и БССР в Союз Советских Социалистических Республик. Во втором пункте этого договора говорится о том, что это объединение происходит добровольно и равноправным республикам в любое время предоставляется право на выход. Эта речь заканчивается словами: «Будем надеяться, товарищи, что образование нашей союзной республики мы создадим верный оплот против международного капитализма, что новое со-

юзное государство послужит новым решительным шагом по пути к объединению трудящихся всего мира в единую Мировую Социалистическую Советскую Республику». 30 декабря 1922 года на I съезде Советов было принято решение об основании СССР. При разработке конституции Раковский, Фрунзе и Мдивани определенно настаивали на суверенитете республик, «хотя Ленин никогда не говорил об этом в присутствии других». В связи с этим Ю. Жуков рекомендует ознакомиться с работой под заголовком «К вопросу об автономии» – документом, который был опубликован впервые в 1956 году и никому не был известен ранее. Хотя автором этих заметок от 30 и 31 декабря 1931 года значится Ленин, В. И. Сахаров на основании своего исследования («Подменено ли завещание Ленина? Кто автор?») указывает, что эти тексты только и существуют в машинописном варианте, без подписи Ленина. Есть сомнения в том, что Ленин является автором тех заметок, которые были позже обозначены как «политическое завещание Ленина». Сахаров подтверждает, что «Странички из дневника», «О нашей революции», «Как нам реорганизовать Рабкрин», «Лучше меньше, да лучше» были написаны с 26-го по 29 декабря 1922. Сюда он также относит «Письмо к съезду», надиктованное с 26-го по 29 декабря 1922 года, в котором обсуждаются реорганизация ЦК партии и внедрение законодательных функций Государственной Плановой комиссии, и заметки «О кооперации», написанные с 4 по 6 января 1923 года. Сахаров обосновывает это тем,

что все эти тексты появляются в различных документах ленинского секретариата и в документах Политбюро. Отсюда следует, что Ленин к этому времени был вполне дееспособен. Они не противоречат друг другу и их нужно понимать как продолжение заявлений Ленина, которые он сделал по тому или иному вопросу ранее. Но в то же время становится ясно, что имеются тексты, авторство которых не может быть подтверждено. Сахаров подчеркивает, что речь идет о документах, которые отличаются от всех других антисталинскими тенденциями. Таким образом, с помощью секретаря Ленина, Троцкий организовал публикацию статьи «К вопросу о национальностях или об “автономизации”». При этом он объяснил, что не получал никакого заказа, так что об отношении Ленина к этой статье ничего не было известно. Хотя противники образования СССР на XII съезде РКП(б) и пытались использовать ее текст для разрушения только что созданного СССР как единого государства, но тем самым достигли противоположного: авторитет Сталина и здравый человеческий смысл победили в этой интриге. И в этой связи Сахаров подчеркивает, что указание на эту статью от 30-го и 31 декабря 1922 года было впервые зарегистрировано в это время, т. е. в апреле 1924 года, в секретариате Ленина. Жуков напоминает о воодушевлении Карла Радека, который летом 1923 года на заседании бюро Коммунистического интернационала молодежи (КИМ) определенно указывал на то, что при названии нового государства избегали упоминания

о России: ведь теперь каждая страна могла присоединиться и соблюдался принцип равноправия.

Кто же был отцом-основателем СССР? Жуков называет Ленина, Троцкого, Зиновьева, Рыкова, Бухарина и Радека – всю верхушку, за исключением группы во главе со Сталиным. Это были те, кто еще надеялся на революцию в Германии, так как к этому времени уже стало совершенно ясно, что новая экономическая политика себя не оправдала.

Глава 3. Внутрипартийные разногласия, классовая борьба и борьба за власть

После краха военной интервенции и блокады инициаторы прямого военного вмешательства в дела Советского Союза, казалось, были вынуждены изменить свои дальнейшие шаги. Их представители видели в новой экономической политике, т. е. вынужденных тактических уступках буржуазии вследствие возникновения экономических проблем, ставящих государство под угрозу существования, шансы для постепенных внутренних изменений соотношения сил во власти как внутри страны, так и за рубежом.

С этой целью были реанимированы контакты между прежними британскими, французскими и немецкими головными предприятиями и инженерно-техническим и административным персоналом бывших русских дочерних предприятий.

Но на этом не остановились. Дипломатические миссии Великобритании были преобразованы в центры шпионажа и диверсионной деятельности. Для того чтобы целенаправленно, осознано влиять на финансовое положение СССР, был завербован сотрудник Государственного банка СССР. Вновь и вновь предпринимались не только попытки получения ин-

формации от действующих гражданских специалистов в региональных Советах и в Верховном Совете, в Госплане и других органах экономического руководства в зоне их ответственности, но и попытки проведения актов диверсии, имевшие централизованное управление. Третьи лица были уполномочены производить разведку вооружения, местоположения и настроения частей Красной армии и их командиров. Со стороны Румынии, Польши, стран Балтии и Финляндии были организованы шпионско-диверсионные группы, вооруженные банды для проведения террористических нападений на советские учреждения в стране и за рубежом. Много раз дело доходило до покушений.

В этих условиях как идеи об окончании войны, так и обсуждавшиеся до этого в кругах некоторых инженеров, экономистов и других ученых идеи об экономике, ориентированной на построение социалистического общества, не могли найти ни применения, ни дальнейшего развития. Это также касается и только что разработанных альтернативных идей развития социалистического государства. Основные разногласия остро ощущались в ЦК РСДРП уже в преддверии Октябрьской революции. Но за предательством вооруженного восстания, за Зиновьевым и Каменевым и за спорами об отношении большевиков к гражданскому парламенту остался скрытым целый ряд других, как выяснилось, не менее основополагающих разногласий. Это ясно показали, в частности, и дискуссия об участии других партий в Совете народных

комиссаров, и – самое главное – спор о Брестском мире.

Уже это показывает, что большого авторитета, которым, несомненно, обладал Ленин, было недостаточно для устранения или урегулирования всех этих фундаментальных разногласий. В свете событий нельзя было снимать со счетов спорные позиции, оставались разобщенность и предубеждения, в результате которых целый ряд тех, кого позднее стали называть «старые большевики», временно или совсем отошли от дел, и на ответственных позициях моментально появились другие, кто знал, как нужно использовать обстоятельства в свою пользу; в другое время эти люди ни как личности, ни как профессионалы не смогли бы дорасти до столь высоких позиций.

Как далеко отклонились идеи, связанные с взятием власти в свои руки, стало ясно в ходе дебатов об «Апрельских тезисах»: Каменев, Калинин и ряд других членов открыто выступали против, Сталин воздержался, и только Молотов, Шляпников и некоторые молодые члены ЦК считали эту установку правильной. Еще более проблематичным было решение поднять вооруженное восстание: Зиновьев и Каменев с самого начала были против этого решения, Бокий, Володарский и Милютин вспоминали о безразличии, равнодушии, с которым массы относились к большевистским лозунгам. Несмотря на это Дзержинский, Калинин, Лацис, Сталин и другие члены ЦК (всего 19) были за, двое против и четверо воздержались от голосования, так что большинство ЦК выска-

залось за это решение.

Каменев и Зиновьев зашли так далеко, что стали критиковать это решение в меньшевистской «Новой жизни» и тем самым предавать дело революции. Следующий конфликт не заставил себя долго ждать: на требование Профсоюза железнодорожников в ноябре 1917 года сформировать правительство с участием меньшевиков Ленин ответил, что это возможно лишь в том случае, если эти члены правительства признают программу большевиков. Зиновьев, Каменев, Рыков, Ногин и Милютин вышли из состава ЦК. Каменев, Рыков, Ногин, Милютин и Теодорович также подали в отставку, отказавшись от своих должностей, и вернулись назад в Совет народных комиссаров.

Еще более жесткими были дискуссии в связи с Брестским миром. На этот раз группа «левых коммунистов» (Бухарин, Урицкий, Оппоков (Ломов), Осинский, Преображенский, Пятаков и Радек), учитывая бесперспективность подписания немцами ультиматума в ожидании революции в Германии, выступила против предложения Ленина. Вместо этого они потребовали вести революционную войну. После провала своего доклада Троцкий предпочел придерживаться расплывчатого нейтралитета. Лишь позднее стало известно, что уже на этом этапе существовали далеко идущие планы.

На суде над «право-троцкистским блоком» в марте 1938-го Бухарин и связанные с ним «левые» коммунисты вместе с троцкистами и «левыми» социал-революционерами были

обвинены в планировании заговора против Советского правительства. Для того чтобы помешать подписанию Брестского мира, планировалось свергнуть Советское правительство, а его самую непреклонную часть – В. И. Ленина, И. В. Сталина и Я. М. Свердлова – арестовать и убить. «Левая» коммунистка Яковлева Варвара Николаевна, также выступавшая против заключения мира с Германией, на суде показала следующее: «Бухарин мне развил ту мысль, что политическая борьба приобретает все более острые формы и дело не может ограничиться одной лишь политической формулировкой о недоверии к ЦК партии. Бухарин заявил, что дело неизбежно должно дойти до смены руководства, в связи с чем стоит вопрос об аресте Ленина, Сталина и Свердлова и даже о физическом их уничтожении...» Бухарин признавался, что в переговорах с «левыми» социал-революционерами при посредничестве Пятакова речь действительно шла о насильственном свержении Советского правительства. Но, вопреки заявлениям подсудимой В. Н. Яковлевой, он категорически опровергал намерение ареста Ленина, Сталина и Свердлова и их «физического уничтожения» в течение 24 часов.

Кем же были те, чьи имена постоянно всплывают в этой серии внутривнутрипартийных конфликтов? И почему именно эти люди вновь и вновь появляются на переднем плане, когда речь заходит об основных решениях? Ответ на второй вопрос становится очевидным уже из самой формулировки: как в «Апрельских тезисах», так и в принятии решения о во-

оруженном восстании, в формировании правительства, в выступлениях в поддержку или против подписания Брестского мира речь всегда шла о шагах, от успеха которых зависело будущее партии и, как следствие, будущее всей страны.

Уже исходя из этого нельзя оставлять без внимания никого, кто участвовал в принятии решений, так как речь шла о дальнейшем развитии и часто о самом существовании дела, которому эти люди посвятили всю свою предыдущую жизнь. Но, таким образом, в конечном итоге нельзя дать однозначный ответ на вопрос о мотивах поступков отдельных личностей. Потому что существуют свидетельства участников тех событий, из которых можно сделать выводы, дающие иной взгляд на происходящее.

На первом плане всех этих конфликтов находились предложения и требования В. И. Ленина, с которыми были связаны основополагающие изменения в политике партии. Это касалось его «Апрельских тезисов», решения о вооруженном восстании и способе формирования правительства, а также решения подписать договор о Брестском перемирии. Позже такие споры повторялись во время гражданской войны по вопросам стратегии и тактики, честности и надежности бывших царских военнослужащих и других специалистов, по способам поддержания правопорядка и обеспечения города и армии продовольствием, зерном, по проблемам систематического саботажа и растущего партизанского движения, — короче говоря, по всем вопросам, на которые после

захвата политической власти Советской России необходимо было найти ответы. Развалом старого государственного аппарата и неопытностью тех, кто в то время занимал ответственные посты, объясняются ошибки в принятии решений и вытекающие из этого новые, часто еще более весомые проблемы. Гораздо более важными были проблемы, особенно обострившиеся благодаря самодовольству и авторитарной, надменной самонадеянности тех, кто теперь принимал решения. Вновь и вновь это доказывало, что командиры, комиссары или наделенные особыми полномочиями народные комиссары были перегружены неразберихой проблем. И довольно часто скоропалительно принятые решения претворялись в жизнь, потому что для тех, кто их принимал, было важнее сохранить собственный авторитет, нежели признать ошибочность изданных ими инструкций и приказов.

На первом месте здесь упоминались и упоминаются Сталин и Свердлов. Хотя интерес к умершему два года спустя Я. М. Свердлову ограничен, стоит все же рассмотреть биографию этого человека в интересующей нас связи. Сталин впервые увидел Ленина в декабре 1905 года на партийной конференции в Таммерфорсе, был делегатом IV и V партийных съездов и в 1912 на конференции в Праге был заочно кооптирован в ЦК. В этот период Сталин по предложению Ленина пишет работу «Марксизм и национальный вопрос». Деятельность же Свердлова была сосредоточена на работе партийных организаций на Урале. Здесь до 1905 года, во время

первой революции, пребывания на нелегальном положении он был несколько раз арестован и осужден. В 1910 году он работал в качестве редактора в Санкт-Петербурге и был кооптирован в российское бюро ЦК. Из-за предательства агента охраны Малиновского Сталин и Свердлов были арестованы в феврале 1913 г. и сосланы в сибирский Туруханск. После Февральской революции оба снова активизировали свою деятельность: Сталин в качестве ведущего функционера ЦК – в Петербургском Комитете, а Свердлов – в организации пролетарского восстания на Урале. Оба они представляли собой тип партийного работника, тесно связанного с революционным развитием в стране.

Они были хорошо знакомы с практической работой по развитию партийных организаций и пользовались полным доверием людей, посвятивших себя этой задаче. В центре столкновений с позицией, занятой Лениным и поддержанной И. В. Сталиным и большинством членов ЦК, за несколько месяцев до Октябрьской революции стояли имена Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева и Н. И. Бухарина.

Этот факт, на первый взгляд, может показаться удивительным, потому что Зиновьев и Каменев были знакомы с Лениным с 1903 года и своей поддержкой внесли определенный вклад в победу его позиции и в создание и развитие большевистского крыла РСДРП. Но уже в ходе поверхностного сравнения биографических данных становится ясно, насколько противоречиво, сложно и трудно проходило

создание первого Совета народных комиссаров, уже потому, что едва ли кто-то из уполномоченных на выполнение этих задач ведущих членов ЦК РСДРП кроме жизненного опыта обладал еще и знаниями, являющимися непременным условием для решения порученных им задач.

Таким образом, становится более понятным, почему Каменев, Рыков, Ногин, Милютин и Теодорович почти сразу же ушли со своих должностей, мотивировав это необходимостью создания коалиционного правительства с привлечением более опытных политиков из других социалистических партий. Но обоснованными были всегда и те соображения, с учетом которых от этого шага в то время, ввиду предательской ориентации этих партий, пришлось отказаться: последствия этого решения могли быть куда более губительными.

Особенно очевидным становится это в оценках, характеризующих Г.Е. Зиновьева. Луначарский, исходя из собственного опыта, описал его вначале как производящего впечатление весьма неуверенного в себе и болезненного молодого человека. Но в ходе дебатов на Стокгольмском съезде он увидел увлеченного оратора, который умел пылкой речью перетянуть слушателей на свою сторону, мог убедить их логикой своих рассуждений и без труда менял настроение изначально сдержанной и отрицательно настроенной толпы. Однако у сотрудницы Коминтерна Айно Куусинен, которая работала с Зиновьевым как с председателем Исполнительного комитета, возникло совсем другое впечатление. По ее

словом, он не пользовался особым уважением среди сотрудников. Она описывает его как одержимого честолюбивыми планами, хитрого, грубого в обращении с другими, «неотесанного начальника», «бабника», чьи требования к подчиненным не знали границ и который вел себя с начальством как подхалим. С другой стороны, такая картина дополняется упоминанием причины враждебного отношения Зиновьева к Троцкому: его паническая беспомощность во время обороны при наступлении Юденича на Петроград привела к тому, что Троцкий не только отдалился от него, но и общался с ним с демонстративным презрением. За этой скандальной ситуацией стояло противостояние двух действительно очень разных, по-своему доминирующих личностей, поведение которых можно было бы в общих чертах характеризовать как паразитальное тщеславие.

В дополнение к этому описанию сошлемся на мнение Бажанова Б. («Воспоминания бывшего секретаря Сталина»). Несмотря на всю осторожность, он демонстрирует проникательное понимание отношений между Зиновьевым и Каменевым: по его наблюдениям, последний, к сожалению, был полностью подавлен Зиновьевым. Каменев сам по себе был не одержимым властью, а добродушным человеком, немного обывательского склада ума. Он был старым большевиком и ни в коем случае не трусом. В революционных целях он шел на известные риски и несколько раз был арестован. Со временем он полностью растворился в окружении Зиновье-

ва и следовал за ним до того момента, когда был вынужден выступить против Ленина.

Отношения между Николаем Ивановичем Бухариным и Лениным носили другой характер, нежели отношения, которые связывали Ленина, Зиновьева и Каменева: с последними, как уже говорилось, он был связан политической работой в партии. С Бухариным же он сотрудничал в период между 1912-м и 1916 годами во время исследования империализма. Бухарин сделал себе имя своими работами по экономике. Особый интерес вызывает работа «Мировое хозяйство и империализм». Здесь были впервые опубликованы марксистские идеи относительно империалистической фазы капитализма. Ленин видел научное значение работы в том, что Бухарин рассматривает основные факты мировой экономики в связи с империализмом как с определенным этапом развития высокоразвитого капитализма.

Но между этой работой и работой Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма» имеются заметные различия: в работе Ленина дается систематический анализ социально-экономического характера этого явления и его социально-политических последствий, оценка которых имеет актуальность и в современном мире. Работа на эту тему была важна для обеих сторон. Существующие в этом и других вопросах разногласия ограничивались тактическими задачами и деталями. Совсем другой характер носили фундаментальные различия, которые в результате ожесточенных дебатов

о заключении Брестского мира в конечном итоге вынудили «левого коммуниста» Бухарина объявить о своем выходе из ЦК после поражения 23 февраля 1918 г. Хотя на VII съезде партии Бухарин, как и его товарищи (А. Ломов, М. С. Урицкий, А. С. Бубнов), не получил большинства голосов, он был снова избран в ЦК.

Совсем другой и более показательный характер носили различия между В. И. Лениным и Л.Д. Троцким: тот факт, что этот человек обладал выдающимися риторическими, организационными и интеллектуальными способностями, отрицается так же редко, как и то, что его отличала не менее выраженная уверенность в себе и самолюбие, которое в своем тщеславии не знало границ. Всего лишь после нескольких спонтанных выражений относительно марксистских позиций он так ярко присоединился к позиции, которой придерживался Ленин, что на данном этапе его даже называли рычагом действия Ленина. Однако в споре за активное сотрудничество как важнейшее условие членства в РСДРП он перешел на сторону меньшевиков, когда стало понятно, что его амбиции находят не только одобрение. В своей статье «Наши политические задачи» он не только утверждал, что Ленин был абсолютно не марксистом, но зашел так далеко, что оскорбил Ленина, назвав его вождем реакционного крыла партии и узурпатором, который пытается превратить социал-демократов в покорные винтики революции. Троцкий никогда не устал напоминать о своей деятельно-

сти на посту председателя Петербургского Совета в 1905 году. Но в 1905-1917 годах он ругал большевиков, которым неоднократно пророчествовал падение. В мае 1917 года он был назначен ответственным за сотрудничество с Временным правительством, а после поражения июльской демонстрации под давлением Ленина на VI съезде партии вместе с Межрайонной организацией объединенных социал-демократов (межрайонцами) был принят в РСДРП(б).

Во время Октябрьской революции и после нее Троцкий выполнял разные задания: 20 сентября 1917 г. он снова стал председателем Петроградского Совета. Затем 16 октября этот орган основал военно-революционный комитет Петроградского Совета. После победы революции Троцкий был назначен наркомом по вопросам внешних связей и возглавлял советскую делегацию на мирных переговорах в Брест-Литовске. 13 марта 1928 г. Совет народных комиссаров назначил его комиссаром по военным и морским делам. Он получил неограниченные полномочия во время формирования Красной армии. Как это повлияло на ситуацию, почувствовал не только командир первого ранга Балтийского флота капитан Щастный, которому ироничное отношение к военным навыкам Троцкого сослужило плохую службу. Ничем не отличается и ситуация с командиром Первого крестьянского социалистического кавалерийского полка Б. М. Думенко. Выходец из крестьян, он сам построил карьеру после Первой мировой войны, дослужившись от сержанта до капита-

на партизанской бригады. В. Клушин прокомментировал его жизненный путь следующими словами: «На совести Троцкого и казнь одного из создателей красной конницы – комкора Думенко, не захотевшего получать боевой орден из рук председателя Реввоенсовета и обвиненного в связи с этим в антисемитизме. Дослужившийся при царизме в казачьих частях до подполковника, Думенко невысоко оценивал военные способности наркомвоенмора, за что и поплатился жизнью».

Спорным может оставаться такое утверждение: Троцкий отправлял на казнь тех людей, поведение которых служило прототипом для его собственного поведения. Он использовал сочетание мелкобуржуазной спонтанности революционного настроения с требующим от него сил культом вокруг своей личности. Себе и своему интеллектуальному превосходству он приписывал все успехи. При этом среди мелкобуржуазных городских интеллектуалов он нашел поддержку и понимание собственной склонности впадать в панику при возникновении проблем, кажущихся на тот момент безнадежными. При этом нельзя не упомянуть тот факт, что, кроме эмигрировавших большевиков и меньшевиков, никто другой не мог знать о борьбе Троцкого против Ленина и большевистской партии. При возникновении срочных проблем Ленин и его ближайшие соратники не были заинтересованы создавать конфликтную ситуацию в своих собственных рядах из-за проблем, которые, как они предполагали,

возникли и отчасти изжили себя уже давно. Троцкий был известен как председатель Петербургского Совета 1905 года. Его популярности способствовали сообщения прессы о его аресте во время возвращения из США. В конце концов, не следует забывать, что талантливый оратор и трибун во время своих выступлений на демонстрациях и на встречах чувствовал себя как рыба в воде. Выступая со своими речами, он замечательным образом давал понять, что вдохновить можно не только обычных рабочих, солдат и матросов, но и людей, которые лучше знакомы с политикой. Еще больше Троцкий выразил себя в презентации своей исторической роли в работе «Уроки Октября». Фактический акт революции – так он утверждает – состоял не в захвате власти большевиками, не в штурме Зимнего дворца, не в аресте Временного правительства, не в принятии решения на Втором Всероссийском съезде рабочих и солдатских депутатов от 26 октября или формировании Совета народных комиссаров, а в принятом Петроградским Советом (под руководством Троцкого) решении запретить отправку солдат Петроградского гарнизона на фронт. Насколько незначительным кажется это решение! Решающим был и остается тот факт, что этот переворот был подготовлен народными массами по инициативе В. И. Ленина и под руководством большевиков, ими же был совершен и увенчался победой. В этом есть и доля участия Троцкого. Но в высокомерной манере, в которой он превозносил свои заслуги над заслугами других, мотивы его дей-

ствий открываются в весьма сомнительном свете.

Д. Волкогонов на основании имеющихся у него источников охарактеризовал поведение Троцкого следующим образом: «Троцкий, всегда старавшийся создать себе комфортные условия, позаботился о себе и сейчас (*в своем поезде!* – К. Х.): повара, секретари (*таковых было три!* – К. Х.), охрана, снабжение». Из документов, оставшихся после его работы в качестве главнокомандующего Красной армии, становится ясно, что Троцкий был очень амбициозным человеком. Некоторые из его выражений и записок напоминают скорее кокетство с вечностью. Очевидно, он старался продемонстрировать свою исключительность и задокументировать ее всеми возможными способами для потомков. Никакой другой предводитель революции не заикливался на идее возить с собой стенографистку, фотографа и киногруппу, чья единственная работа состояла в документировании его значения в истории. Разумеется, учитывая его несомненно значительные военные успехи, стоит отказаться от подробного рассмотрения этих странных качеств. Но стоит упомянуть: Троцкий не мог и не хотел понимать, что другие не только не замечают демонстрируемое им превосходство, а могут и похвастаться военными и другими успехами, не менее значительными, чем его собственные. Его яркий талант оратора и лидера играл важную роль. Но в конечном счете он дискредитировал себя своим эгоцентричным поведением, тщеславием и высокомерием. Здесь непременно сто-

ить принять к сведению оценку ситуации, несколькими годами позже данную Сталиным. На вопрос, чем объяснить, что «Троцкий, несмотря на его ораторское искусство, несмотря на его волю к руководству, несмотря на его способности, оказался отброшенным прочь от руководства великой партией», он отвечает следующим образом: «Троцкий не понимает нашей партии. У него нет правильного представления о нашей партии. Он смотрит на нашу партию так же, как дворянин на чернь или как бюрократ на подчиненных». Изображая партию как «голосующую баранту, слепо идущую за ЦК партии», Троцкий, справедливо считает Сталин, выражает презрение к партийным массам. Что же тут удивительного, если партия, в свою очередь, отвечает на это презрением и выражением полного недоверия Троцкому, который «потерял чутье партийности, потерял способность разглядеть действительные причины недоверия партии к оппозиции»?

В мае 1922 года Ленин перенес первый инсульт. В этом положении он напомнил Сталину, что под его собственным давлением тот пообещал ему достать в безнадежной ситуации цианистый калий. 16 декабря 1922 г. Ленин перенес второй инсульт. Два дня спустя ЦК решил назначить Сталина лично ответственным за то, чтобы предотвратить все личные и письменные контакты с Лениным до его выздоровления. 20 декабря профессор Форстер обследовал тяжело больного Ленина и пришел к выводу, что тот должен воз-

держаться от любой работы. Но 21 декабря Ленин диктует своей жене письмо Троцкому, а 22 декабря диктует секретарю просьбу к Сталину достать ему цианистый калий, так как ситуация зашла слишком далеко. Но в тот же день, когда Н. К. Крупская узнала о намерениях Ленина покончить жизнь самоубийством, Сталин узнал о нарушениях Надеждой Крупской контролируемого им предписанного врачом режима из писем, в которых Ленин, исходя из тенденциозных представлений, находит решения для различных проблем. Вряд ли можно представить, в каком эмоциональном напряжении проходили в этот период телефонные беседы с обеих сторон. Сталин не считал для себя возможным выполнить просьбу Ленина, поскольку профессор Форстер дал положительный прогноз. По понятным причинам он и Крупская были очень взволнованы. Исходя из этой ситуации, 23-го и 24 декабря 1922 г. Ленин составил свое «Письмо к съезду». Но помимо записанного в нем множества соображений, которые должны были быть приняты самым серьезным образом (относительно увеличения ЦК или угрозы раскола), в письме заметно как влияние его болезни, так и масштаб его отчаянного положения.

С. Миронин видит первопричины возникших в этой связи разногласий между поддерживаемой Троцким ориентацией на перманентную революцию и оценкой, которой придерживались Каменев, Зиновьев, Сталин, Молотов, Рыков и Бухарин, в том, что уже ввиду экономической ситуации в стране

было невозможно придерживаться позиции Троцкого в вопросе мировой революции. Из писем Троцкого в ЦК в январе 1923 г. становится ясно, что на самом деле он считает работу других неправильной или нелепой, но при этом отказывается принять предложение Ленина взять на себя ответственность одного из его заместителей. «Особенно чувствительно Троцкий реагирует, когда ему напоминают о том, что полтора года назад он придерживался мнения, что дни Советской власти сочтены», — отмечает Миронин.

Ввиду принимающей огромные размеры бюрократии письмо Троцкого от 2 декабря 1923 г. может показаться посторонним лицам предложением по улучшению работы. Те, кто знаком с причинами этого процесса, видят здесь попытку заменить отошедшего из-за болезни от дел Ленина коллективным сотрудничеством.

Левая оппозиция была сформирована в ходе внутрипартийных споров, которые обострились во время болезни Ленина. После его смерти эти конфликты рассматриваются открыто. Первым звездным часом стало «Заявление сорока шести». В нем предупреждения Троцкого относительно экономического и финансового кризиса сопровождаются нападениями на партийное руководство: его обвиняют в бездеятельности, бюрократизме, формировании фракции, которая препятствует свободному выражению мнения и способствует разложению партии. Подписавшиеся под этим заявлением призвали к созыву собрания, на котором прежде всего они,

критики выбранного совета, должны будут высказать свое мнение. Позже Троцкий отрицал, что был в числе подписавших этот документ и образовавших эту антипартийную группу и таким образом препятствовал выполнению решений X съезда партии. Но на основании документов, оставшихся после этого периода, обвинения нашли подтверждения. Уже на XIII съезде это требование встретило массовое сопротивление делегатов. Требования Троцкого, Преображенского, Пятакова, Радека и других подписавших «Заявление сорока шести» не получили ожидаемой поддержки. Но это было только началом конфликта с образованной вокруг Троцкого левой оппозицией.

Эта проблема находилась в центре внимания и на XIII съезде РКП(б). Но между коалициями, состав которых постоянно менялся, между Троцким, Зиновьевым, Каменевым, Бухариным и Сталиным в споре о путях решения практических вопросов стояли не только фактические разногласия. Всем участникам дискуссии было понятно, что борьба идет за будущую политическую власть. Логичным последствием стали вновь возникшие интриги, появление враждующих коалиций, групп и фракций, погрязших в спорах о прежних договоренностях. Совершенно логично будет предположить, что в этих спорах имели место и втирание в доверие, и предательство, и беспринципный карьеризм. В этой атмосфере нередко имели успех именно те, кто умел перетянуть людей на свою сторону, те, кто демонстрировал свою безусловную

преданность той или иной идее наиболее убедительным образом.

Тот же, кто выражал собственное, возможно, критическое мнение, вызывал подозрение у своих конкурентов как сомневающийся в выбранной партией линии, придерживающийся вражеского мнения или даже враг. То, что, находя поддержку в зависимости от спроса и других льгот внутри партии и советской бюрократии, это должно было привести к формированию взаимовыгодной стимулирующей зависимости от посредственности, некомпетентности, слепой преданности, приводящей даже к совершению преступлений и, несмотря на повторяющиеся чистки, к симптомам культа личности, — все это стало понятно гораздо позже.

Борьба за власть приводила к участию в преступлениях, о которых (как и об их последствиях) стало известно только много лет спустя, когда было уже слишком поздно. Под маской слепой преданности партии даже беспринципные и безрассудные болтуны поднимались вверх по карьерной лестнице на руководящие должности государственных органов и бюрократии партии, и последствия этого процесса были тяжелы.

Особенно катастрофическими были эти последствия в ЧК. Многие из его наиболее надежных и преданных бойцов отдали свои жизни и здоровье в первые годы советской власти в борьбе против белой гвардии и интервентов. Многие из тех, кто когда-то честно, убежденно выступал и борол-

ся за идею социализма, не смогли противостоять соблазну власти. Мало кто оставлял службу из-за понимания, что его образование и навыки не подходят для выполнения сложных задач. Но даже с теми, кто занимал освобождающиеся по этой причине места, возникали проблемы. Многие имели действительно лучшее образование, знали, как лучше показать себя, и действительно были способны в нужный момент произвести гораздо лучшее впечатление, чем те, кто так и не научился дипломатично выражаться и не умел себя вести. Однако не все одинаково серьезно относились к службе как служению социалистическим идеалам, так как для многих важнее было, как без промедления и сожаления использовать каждую возможность и любые средства, чтобы подняться вверх по карьерной лестнице. Тот факт, что курс на решение огромных экономических проблем страны требовал наличия различных характеристик и навыков, так же верен, как и то, что в контексте этих новых задач оппортунисты и карьеристы знали, как быстрее добраться до необходимых и влиятельных должностей. То, что такие проблемы были неотделимы от накопившихся на протяжении веков проблем развития и дефицита квалифицированных кадров, привело к тяжелым последствиям, как и факт, что решать эти проблемы нужно было не только с помощью активизации усилий по улучшению системы образования. Потому как с обретением самых передовых результатов в области науки, техники и технологий связанные с этими областями круги

научно-технической и художественной интеллигенции, сотрудники внешней торговли и дипломатической службы из преуспевших в этих областях держав перенимали не только разного рода достижения, но и другие, в основном мелкобуржуазные ценности.

Эти парадоксы, а также связанные с ними конфликты и новые задачи в то время могли изначально восприниматься только в качестве внешних явлений. Однако для оценки таких явлений не хватало опыта, ответственным лицам не хватало необходимых знаний и того, что можно назвать необходимой интуицией. Тот факт, что в контексте социальных потрясений, распада, растворения старых классовых структур и появления новых слоев – государственных служащих, сотрудников аппарата безопасности и партийных работников – возник целый пучок новых социально-экономических проблем, рассматривался с критической точки зрения так же мало, как и тот факт, что в окружении власти особые интересы становились самостоятельным явлением. Такое представление можно было бы рассматривать как сильно преувеличенное. Но при беспристрастной оценке становятся ясными связи, которые имели решающее значение не только для СССР 30-х годов, но и для других стран, а также для дальнейшего развития, особенно для заключительного этапа существования Советского Союза.

После XIV партийной конференции, прошедшей в апреле 1925 года, началось образование так называемой «новой оп-

позиции». В принятой по докладу председателя Совнаркома СССР Рыкова «О кооперации» резолюции провозглашалась принципиально новая политика в деревне, которая предполагала снижение сельскохозяйственного налога на 40 %, вложение дополнительных государственных средств в систему хозяйственного кредитования крестьян, разрешение найма рабочей силы и сдачи земли в аренду, предоставление права участия в различных формах кооперации всем слоям населения, занимающимся сельским хозяйством. Бухарин охарактеризовал новый курс как «развитие нэпа в деревне». Кроме того, конференция приняла выдвинутую Сталиным еще в декабре 1924 года «теорию построения социализма в одной стране». Взгляды «новой оппозиции» сводились к критике экономического поворота в деревне, внутрипартийного режима, а также теории построения социализма в одной отдельно взятой стране.

XIV съезд РКП(б) (на нем было принято решение переименовать партию в ВКП(б) – *Прим. ред.*), который состоялся в декабре 1925 года, вошел в историю как съезд индустриализации. Стремление улучшить положение населения привело к возникновению новых задач, в том числе превращения СССР «из страны, ввозящей машины и оборудование в страну, производящую их». Решение этой задачи предполагало развитие народного хозяйства с использованием новых методов, более современных технологий и техники.

На съезде Зиновьев, поддержанный Каменевым и ленин-

градской делегацией, от имени «новой оппозиции» выступил против группы Сталина (Молотов, Рыков, Бухарин и др.) и партийного большинства. Свой удар он обрушил на Бухарина, считавшего, что невозможно изменить устоявшиеся на протяжении столетий традиции жизни в селах в течение нескольких лет, и призывавшего к обогащению крестьян и поддержке кулацких хозяйств, однако основной целью было смещение Сталина с поста Генсека, на чем и настаивал выступавший позже Каменев. Это предложение не нашло поддержки большинства, съезд принял резолюцию, осудившую взгляды «новой оппозиции».

После XIV съезда партии Зиновьев, Каменев, ленинградцы, Троцкий с его приверженцами, прежние участники «рабочей» и «грузинской» оппозиций и другие сформировали очередную, «объединенную оппозицию». В политической области «объединенная оппозиция» продолжила борьбу против развития аппаратного бюрократического партийно-государственного режима, выдвинув в этой связи концепцию «термидорианского перерождения советского строя», в очередной раз оппозиционеры указывали на бюрократизацию партийного аппарата как на основную причину кризиса, охватившего партию. Кроме того, они критиковали курс на новую экономическую политику в деревне. На июльском и октябрьском пленумах ЦК (1926) «объединенная оппозиция» потерпела поражение: большинство поддержало правящую группировку. В декабре 1927 года XV съезд партии

объявил взгляды оппозиции несовместимыми с членством в ВКП(б), после чего из партии были исключены многие активные оппозиционеры. Троцкий, Зиновьев и Каменев были выведены из состава Политбюро и исключены из партии еще до съезда. Резолюция съезда «Об оппозиции» поручала ЦК и ЦКК «принять все меры идейного воздействия на рядовых членов троцкистской оппозиции с целью их убеждения при одновременном очищении партии от всех явно неисправимых элементов троцкистской оппозиции».

Говоря о разногласиях Сталина с Зиновьевым и Каменевым, мы прежде всего имеем в виду практикуемое ими вмешательство в деятельность польской, австрийской, китайской, немецкой и других партий. Сталин упрекнул их и Троцкого в том, что они повторили ту же самую ошибку, которая в 1917 году привела к сильнейшим разногласиям с поддерживающим в то время Ленина большинством членов ЦК. На основании разнообразных объяснений, писем и статей, в которых была выражена позиция этой группировки, Сталин пришел к выводу, что в их случае речь шла исключительно о захвате политической власти. Тот факт, что большинство партийцев выразились против, не интересовал представителей оппозиции: из их заявлений мы знаем, что они готовились захватить власть в кризисной ситуации, которую Троцкий при наступлении Клемансо находил такой вдохновляющей. Учитывая такое развитие событий, было вполне логично, что Зиновьев был освобожден от своих обя-

занностей председателя Исполнительного комитета Ленинградского Совета и Исполнительного комитета Коминтерна, а Каменев снят с должности Председателя Исполнительного комитета Московского совета. В современном представлении этот инцидент не находит четкого описания. Здесь можно лишь предположить, что Зиновьев и Каменев стали жертвами своей критики увеличивающейся бюрократизации, так же как Троцкий.

Для оценки ситуации в СССР в конце 20-х и начале 30-х годов особенно богатую картину (без сочувствия коммунистическим идеям) рисует немецкий дипломат Дирксен. Опираясь на свои источники информации, он называет совсем другие причины, нежели те, которые в настоящее время связывают с предполагаемым произволом Сталина. Он указал на две возможные причины провала режима НЭП. С одной стороны, с увеличением богатства все более очевидной становится выраженная экономическая независимость и все более открыто демонстрируемая враждебность кулаков и нэпманов. С другой – связанные с уступками международному капиталу ожидания индустриализации Советской России остались, по мнению Дирксена, иллюзиями. Трезво рассуждающими – в свете предлагаемых возможностей для развития выгодного бизнеса и забот о возникающих внутренних и внешнеполитических конфликтах – оставались только несколько платежеспособных западноевропейских и американских капиталистов, готовых вкладывать средства в эко-

номику Советской России.

Полученных таким образом средств не хватало для восстановления российской промышленности. Для основной модернизации и намеченного формирования и расширения эффективной крупной промышленности в этих условиях отсутствовали как финансовые средства, так и специально обученные квалифицированные силы. Не менее проблематичным было то, что у большей части населения и не в последнюю очередь у ответственных сотрудников администраций отсутствовала готовность пережить еще бóльшие лишения. Кроме того, изначально сохраненная ориентация советского руководства на вмешательство в революционное изменение ситуации в Европе ни в коем случае не соответствовала реальному ходу событий. Ориентированная на такие ожидания политика экспорта революции поставила на карту существование СССР в зависимость от революционной ситуации в Западной Европе...

Атмосфера консервативного настроения в среде зажиточного крестьянства создавала определенную угрозу: поддержка крестьян-середняков не только неизбежно привела бы к усилению влияния кулачества, но и стала бы причиной дальнейшего обнищания сельской бедноты. Для того чтобы мрачные ожидания, что в долгосрочной перспективе это может привести к социальному конфликту и что при сохранении порочного круга недостатка промышленных товаров и отсутствия желания у крестьян поставлять зерно в страдаю-

щие от голода города без соответственной оплаты, не осуществились, требовалось принятие безотлагательных мер.

Таким образом, ответ на вопрос, как в этом процессе можно преодолеть промышленное отставание и – учитывая существующую, как и раньше, военную угрозу Советской России – уладить экономические проблемы этой огромной страны, найден не был. В 1929 году дело дошло до открытого конфликта. Сталин упрекнул Бухарина, Томского и Рыкова в том, что в противоречии с одобренной партией ориентацией они требовали снижения темпа индустриализации, роспуска совхозов и колхозов и полной свободы для частных предпринимателей.

Эту связь нельзя игнорировать, рассуждая сегодня о внутривнутрипартийном споре между Троцким, Зиновьевым, Каменевым, Бухариным и Сталиным в 1920—30-е годы. Несовместимость их намерений отнюдь не ограничивалась разногласиями в идеологии, в поиске экономических альтернатив или в ориентации направления и темпа индустриализации и коллективизации в сельском хозяйстве. Они были связаны с конкурирующими интересами различных групп и регионов.

Сегодня при постановке такого вопроса становится очевидно, кто усвоил эти требования или в каких целях они были использованы. Тогда и сегодня речь шла и идет не только о поверхностно рассматриваемых в сегодняшней дискуссии (уже с осуждением) претензиях на власть и личных амбициях, а о решениях проблем экономического, военного и соци-

ально-политического развития.

Нельзя игнорировать тот факт, что таким образом в движение была приведена цепочка революционных потрясений в жизни всех слоев населения. От этих мер зависела ускоренная индустриализация страны и, как выяснилось позже, единственная реальная вероятность выживания Советского Союза. Между тем дальнейший ход исторических событий подкрепляется как драматичным, так и уже не воспринимаемым всерьез образом: обсуждаемые и сегодня альтернативы более медленного, бесконфликтного и менее насыщенного лишениями развития систематически ускоряющейся индустриализации никогда не были реалистичными.

По разработанной в 1929 году Бухариным модели продолжения режима НЭПа было подсчитано, что таким образом годовой рост продуктивного фонда был возможен только на 1-2 % в год. Несмотря на все законные упреки, что все подобные расчеты неизбежно опираются на спекулятивные и другие никогда четко не определяемые моменты, становится ясно: поддержание этой ориентации способствовало бы не только драматическому регрессу в сравнении с ведущими империалистическими промышленно развитыми странами, но и привело бы в результате к экономической, технической и научной зависимости от них. На основе имеющегося в распоряжении промышленного потенциала Советский Союз был бы не в состоянии создать научно-технические и материально-технические условия для создания структуры

современной экономики и не смог бы использовать этот потенциал так, чтобы подготовиться к предусмотренным на тот момент атакам действительных и потенциальных военных противников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.